

Ученіе Блаженнаго Августина о предопредѣленіи въ связи съ обстоятельствами его жизни и дѣятельности.

Составлявшее эпоху въ западномъ Богословіи 5 вѣка ученіе Августина о предопредѣленіи и неразрывные съ нимъ вопросы: о первородномъ грѣхѣ, благодати и ея отношеніи къ свободѣ человѣка также касались сущности христіанства, какъ и занимавшіе Церковь, въ теченіе первыхъ 4 вѣковъ, вопросы о Троичности Лицъ, Ихъ взаимномъ отношеніи и о Лицѣ Богочеловѣка. Послѣ этихъ послѣднихъ вопросовъ, касавшихся тайнъ Божества, перваго рода вопросы, относящіеся къ состоянію человѣка въ христіанствѣ, были самыя естественныя, очередныя, жизненныя; и потому они также занимали Церковь въ свое время, какъ и вопросы касательно Троичности, Богочеловѣка и проч. Скажемъ болѣе. Составлявшее конечную цѣль нашихъ вопросовъ ученіе Августина о предопредѣленіи имѣло важное значеніе не для его только времени, но и для всѣхъ послѣдующихъ временъ и для настоящаго. Оно служитъ историческимъ началомъ всѣхъ замѣчательныхъ явленій въ области западной догматики. Оно имѣло огромное вліяніе не только на католическое, но и на протестантское Богословіе, не только на средневѣковое, но и на новѣйшее. Подъ его знамя старались стать лютеранскіе и реформатскіе богословы самыхъ различныхъ сектъ и оттѣнковъ, стараясь каждый изъяснить его въ свою пользу и

обосновать имъ свое ученіе (*Der heilige Augustinus von Binde-
mann. Dritter Band 632 f.*). Важное для всѣхъ временъ зна-
ченіе оно получаетъ отъ связи его съ великою дѣятельно-
стію, жизнію и личностію писателя. Пелагианство, въ борьбѣ
съ которымъ оно раскрылось въ подробнѣйшую систему,
(если этимъ именемъ можно назвать всѣ его частности и
подробности), и въ наши дни такъ много находитъ себѣ со-
чувствія и послѣдователей, какъ никакая другая ересь. Пе-
лагианство, съ его возвышеніемъ—до сбоготворенія—человѣ-
ческой природы, и теперь живетъ въ вѣрованіяхъ соцініанъ,
въ убѣжденіяхъ богослововъ рационалистовъ и свѣтскихъ
ученыхъ реалистовъ, учащихся и дѣйствующихъ во имя
того же, обоготворяемаго ими антропологическаго прин-
ципа, и проводящихъ его во всѣхъ наукахъ вслѣдъ за
Фейербахомъ. Далѣе, самая жизнь Блаженнаго, съ которой
сняты существенныя черты нашего ученія, жизнь полная ве-
ликихъ многопоучительныхъ опытовъ, богатая естественными
и сверхъестественными событіями, раскрывшая въ себѣ не-
исчерпаемый для науки психическій процессъ, всегда возбуж-
дала и возбуждаетъ къ себѣ глубокий интересъ. А рѣдкое
богатство личности, въ которой отразилась вся природа че-
ловѣческая съ ея необъятными совершенствами и ужасаю-
щими преступленіями? Изучая великую эту личность, можно
изучать всю человѣческую природу. Да и самое ученіе о
предопредѣленіи всегда и для всѣхъ, кому дорого спасеніе,
представляло и представляетъ живой интересъ. Всякій мо-
жетъ надѣяться найти въ немъ разгадку вѣчной таинственной
судьбы своей, указаніе того, ко спасенію или гибели онъ
предопредѣленъ, и какими путями Провидѣніе ведетъ его къ
послѣдней цѣли его бытія. Мы не говоримъ, найдетъ ли онъ
здѣсь отвѣты на свои завѣтные вопросы, но онъ въ правѣ
ожидать ихъ отъ этого многообъщающаго ученія и автори-
тета. Важность самого ученія, многопоучительная жизнь,
легкая въ основу его, славная исторія дѣятельности, или
борьбы съ столь замѣчательною ересью, помогшей ему раз-
виться въ обстоятельную систему, и наконецъ тотъ важный
характеръ вліянія, какой имѣло на самый духъ ученія исто-
рическое его происхожденіе,—все заставляетъ насъ обратить

особенное вниманіе какъ на самое ученіе, такъ и на историческое его происхожденіе¹⁾).

Съ именемъ Августина мы привыкли соединять понятіе о безусловномъ предопредѣленіи Божіемъ, какъ характеристическую особенность его авторской дѣятельности, которое однихъ, такъ сказать, излюбленныхъ милосердіемъ, безъ всякихъ заслугъ ихъ, предназначаетъ ко спасенію, а другихъ, отверженныхъ Его благодію, при всѣхъ усиліяхъ ихъ къ добру, — всегда напрасныхъ, осуждаетъ на погибель²⁾). Къ такому понятію онъ могъ прійти только подъ условіемъ признанія за челоуѣческой природою совершенной неспособности къ добру, при которой все, что въ ней есть добраго, есть даръ одной милости Божіей; но чтобы дознать, почему она такъ бессильна къ добру и почему надъ нею тяготѣетъ осужденіе, онъ долженъ былъ признать за нею отвѣтственность за чужой наслѣдственный грѣхъ и при томъ такой, который убилъ въ ней всякую способность къ добру. И такъ первородный грѣхъ есть основное звѣно, на которомъ держится вся цѣпь данной системы. Оставляя до времени полное раскрытіе главныхъ ея положеній, мы намѣтимъ здѣсь общіе основные пункты ея, чтобы видѣть, какіе изъ этихъ пунктовъ внушены ему собственнымъ опытомъ жизни, какіе вызваны извѣстною его дѣятельностію, или борьбою съ Пелагианствомъ. Вотъ эти общіе пункты.

1) Чрезъ паденіе (*lapsus*) и затѣмъ чрезъ упадокъ (*labes*)

¹⁾ Источниками и пособіями, при разборѣ даннаго предмета, служили: *Libri confessionum Augustini* (первыя 12 книгъ), *der heilige Augustinus, dargestellt von Bindemann* и отчасти статьи: Жизнь и творенія Блажен. Августина (Кіевъ 1855 г.), Пелагианство свящ. П. Лебедева (Правосл. Обзор. 1866 г. т. II и III).

²⁾ Мы не упоминаемъ первоначальнаго взгляда его о предопредѣленіи, отъ котораго онъ вскорѣ и навсегда отказался, какъ отъ несовершеннаго, но который, однакожь, былъ гораздо ближе къ православному. Этотъ взглядъ приписывалъ челоуѣческой волѣ значеніе не формальнаго, но дѣятельнаго фактора въ дѣлѣ спасенія, съ несомнѣнною самостоятельностью и самодѣятельностію усвоющаго и раскрывающаго то, что сообщила ему благодать: „все отъ Бога, между тѣмъ, нельзя сказать, чтобы мы были спящіе, ничего не дѣлающіе, ничего не желающіе: безъ нашей воли правда Божія не можетъ быть въ насъ“ (*Sermones* 158, 169, 176 и 193).

человѣческой природы въ нашемъ прародителѣ, прирожденная ей способность не грѣшить и не умирать, — вмѣсто того чтобъ обратиться въ невозможность грѣшить и умирать, — превратилась въ невозможность не грѣшить и не умирать (*posse non peccare et mori* въ *non posse non peccare et mori*). 2) Вмѣстѣ съ природою перешли къ потомкамъ Адама и всѣ ея свойства: при внутреннемъ узничествѣ, при вѣчномъ рабствѣ нашемъ плоти и страстямъ, потеряны какъ свобода и самостоятельность воли, такъ и всякая способность не только къ доброму дѣлу, но и къ доброму желанію. У ней осталась способность къ такъ называемой гражданской добродѣтели (*virtus civilis*). 3) Омертвѣвшаго къ добру челоуѣка могъ спасти только одинъ Богъ. Но чтобъ каждый челоуѣкъ могъ усвоить себѣ принесенное съ неба спасеніе, для этого необходимо внутреннее глубочайшее вліяніе на него Божественной благодати: предваряющей (располагающей къ сознанію нужды въ спасеніи, къ покаянію и вѣрѣ *gratia praeparans*), дѣйствующей (посредствомъ вѣры и любви вводящей въ общеніе со Христомъ — *gratia operans*), содѣйствующей (помогающей ему постоянно преуспѣвать въ святости — *gratia cooperans* и дарующей ему даръ постоянства *donum perseverantiae*). Но такъ какъ благодать во всѣхъ ея видахъ даруется челоуѣку безъ всякихъ его заслугъ, безъ всякаго содѣйствія его въ началѣ и продолженіи спасенія, и такъ какъ съ другой стороны мы видимъ, что не всѣ люди спасаются, то это происходитъ не вслѣдствіе упорства ихъ, но единственно по безусловному предопредѣленію, по которому Богъ изъ подпадной осужденію массы (*massae perditionis*) только небольшую часть избираетъ для явленія на ней своего милосердія, а большинство предоставляетъ ихъ участи, для открытія на нихъ Своей правды. Кого разъ озарила благодать, того она невольна, непреодолимо влечетъ ко спасенію (*gratia irresistibilis*), а отверженные уже никогда не могутъ получить ея. 4) Къ этимъ главнымъ пунктамъ присоединилось въ послѣдствіи разрѣшеніе вопросовъ о томъ, не уничтожаетъ ли благодать свободы въ избранныхъ, почему сосудовъ гнѣва больше, чѣмъ сосудовъ милости, не проповѣдуется ли подъ именемъ непреодолимой благодати не-

умолимый рокъ, не располагаетъ ли это ученіе однихъ къ самонадѣянности и ко грѣху, а другихъ къ ожесточенію и отчаянію и проч. Понятно, на всѣ эти частныя соприкосновенныя къ существу дѣла вопросы и на самый коренной вопросъ касательно совершеннаго разстройства человѣческой природы въ Адамѣ не могла дать отвѣтъ собственная жизнь Августина, ихъ могла вызвать лишь сторонняя реакція: съ его жизни списаны можно сказать общія существенныя черты, (обрисовывавшія собою 2 и 3 пункты изложеннаго ученія).

I.

Главная формула въ ученіи Августина, — что при всеобщей и всецѣлой испорченности человѣческой природы спасаются только тѣ, кого благодать Божія непреодолимо влечетъ къ тому, — внушена была ему съ одной стороны сознаниемъ безмѣрной своей грѣховности, а съ другой чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія и благодарности предъ Богомъ за чудесное его призваніе. Всецѣло проникнутый чувствами смиренія, благоговѣнія и благодарности предъ чудными путями сверхъестественнаго его призыва ко спасенію, глубоко убѣжденный, что этотъ способъ призванія есть самый лучший и совершеннѣйшій какъ для выщей славы Божіей, такъ и для смиренномудреннаго спасенія человѣка, Августинъ думаетъ, что и всѣ люди, подобно ему, призываются ко спасенію исключительно по волѣ Всеблагаго Провидѣнія помимо ихъ грѣшной воли, не подозрѣвая того, что его личный опытъ и способъ призванія не можетъ быть мѣркою и нормою для всѣхъ. Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ, почему такъ сильно повліяли на это ученіе всѣ личныя особенности его жизни и характера, почему онъ личный свой опытъ и способъ призванія принялъ за общечеловѣческой, мы, кажется, должны всего обстоятельнѣе раскрыть тотъ основной пунктъ, на которомъ держится все ученіе, т. е., дѣйствительно ли во всей своей жизни — преимущественно до обращенія — онъ видѣлъ одну нескончаемую цѣпь заблужденій, слабостей и паденій, а добро, какое только находилъ въ себѣ, признавалъ

даромъ благодати, и вѣровалъ ли такъ сильно въ неуспѣшное бодрствованіе надъ нимъ Провидѣнія и благодати, въ неуклонное и непреодолимое направленіе всѣхъ путей жизни его ко спасенію. Наилучшій отвѣтъ на это дастъ намъ собственная его исповѣдь, по которой 1) и прослѣдимъ, какъ чрезъ всю его жизнь проходитъ у него сознаніе безпредѣльной грѣховности и совершеннаго безсилія его къ добру, и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣжденіе въ непреодолимомъ влеченіи его ко спасенію силою благодати.

Такъ называемый невинный младенческій возрастъ свой онъ находитъ полнымъ беззаконій и грѣховъ: „развѣ неукоризненны и невинны были, говоритъ онъ, такого рода поступки, какъ со слезами требовать чего нибудь вреднаго, сердиться и досадовать на старшихъ себя и на родителей за то, что они не слушаютъ младенческихъ причудъ, царапаясь и кусаясь стараться вредить имъ за то, что не выполняютъ вредныхъ требованій и плачемъ наказывать себя за то“? Но благоговѣйный и усматривающій во всемъ пути Провидѣнія взоръ его видитъ, что „и младенца, такъ рано и такъ далеко удаляющагося отъ Бога Отеческая Его благодать ищетъ, блюдетъ, кормитъ сладостію и утѣхою материнскаго молока, и что и его, въ бытность его младенцемъ, по закону природы, Ею же предначертанному, та же Отеческая благодать хранила и питала, какъ родное дитя, что Она давала ему чувствовать, чтобъ онъ не требовалъ этой пищи болѣе того, сколько Она подавала ему, и кормившимъ его Она влагала стремленіе подавать ему то, что Она подавала имъ отъ изобилія щедротъ своихъ. Благо мое, какъ и всякое благо, сознается благодарная и преданная Богу душа, хотя передавалась мнѣ ими, но оно отъ Тебя исходило и Тобою совершалось; отъ Тебя, Боже мой, все спасеніе мое“.

(1 Liber, cap. 7).

Въ отроческой своей жизни, иногда въ ничтожныхъ, по видимому, обстоятельствахъ и приключеніяхъ, онъ еще осязательнѣе видитъ надъ собою руку крѣпкую и мышцу высокую, ведшую его, недовѣдомо для него самого, къ высокимъ цѣлямъ его. Его отдали въ школу, поставивъ ему правиломъ слушаться наставленій старшихъ и обучаться наукамъ, кото-

ря бы обезпечили ему со временемъ счастливое положеніе въ обществѣ. Но онъ не слушалъ никакихъ наставленій, учился по одному принужденію, увлекался играми, любилъ кичливыя побѣды въ состязаніяхъ, раздражалъ воображеніе вымышленными разсказами, стремился на зрѣлища, на игры большихъ. За это часто наказывали, сѣкли его. Родители и старшіе, хотя и не желали ему зла, смѣялись надъ нимъ, когда его наказывали. Все это крайне убивало пылкую и впечатлительную натуру, и оставляло въ ней самыя тяжелыя чувства. Разбитый и подавленный онъ услышалъ, повидимому случайно, отъ нѣкоторыхъ людей о Нѣкомъ великомъ Существѣ, Которое, не являясь нашимъ чувствамъ, выслушиваетъ насъ, помогаетъ намъ. Мальчикъ ухватывается за Него всею душою, проситъ у Него помощи, заступничества и убѣжища отъ своихъ напастей, и, призывая Его, преодолеваетъ всѣ трудности ученія, спасается отъ всѣхъ невгодъ. Во всѣхъ этихъ приключеніяхъ и событіяхъ онъ исповѣдуетъ пути Все-вышняго: „Ты, у Котораго и волосы на головѣ нашей сочтены, погрѣшности и заблужденія понуждавшихъ меня учиться и имѣвшихъ въ виду лишь одно удовлетвореніе ненасытнымъ желаніямъ богатства и славы, обращалъ въ мою пользу, а мое отвращеніе отъ ученія, непокорность и послушаніе, — по тому непреложному закону Твоему, что всякій безпорядокъ встрѣчаетъ соотвѣтственное себѣ наказаніе, — Ты вмѣнялъ мнѣ въ наказаніе и дѣлалъ праведное мнѣ воздаяніе. Меня, маленькаго мальчика, и такого великаго грѣшника, прежде чѣмъ я искалъ Тебя, Ты уже искалъ, звалъ, нудилъ и влекъ къ Себѣ, влекъ и чрезъ случайно встрѣтившихся людей, этихъ посланниковъ Твоихъ и чрезъ видимое покровительство въ юныхъ трудахъ и скорбахъ моихъ: Ты, Боже, свѣтъ сердца моего, духовная пища души моей, животворная сила ума моего!“ (1 Liber cap. 8 — 13).

Въ посѣщеніи его болѣзнію (затверденіемъ желудка, отъ которой онъ едва не умеръ) онъ видитъ новый чудный призывъ его къ Богу. Какъ только онъ съ вѣрою и раскаяніемъ сталъ просить крещенія, вдругъ выздоровѣлъ: „Богъ, мой хранитель и исцѣлитель, восклицалъ исцѣленный, уврачевалъ меня для того, чтобъ я жилъ для Него“. Но крещеніе, по

разнымъ невольнымъ обстоятельствамъ, было отложено: какъ будто нужно было, чтобы приумножились его грѣхи, да избыточествуетъ въ нихъ благодать. (1 Lib^oг, с. 14).

Возвращаясь къ школьной своей жизни, Августинъ горько стѣуетъ на то, что неблагоразумные учителя, долго держа его на Гомерѣ и другихъ образцахъ краснорѣчія, съ ихъ недостойными повѣствованіями о безнравственныхъ дѣлахъ боговъ,—растлѣвали юную его нравственность, что неумѣренными похвалами за всякое отличіе въ ученіи и играхъ непоумѣрно раздражали въ немъ самолюбіе и зависть, что вообще, по волѣ людей, онъ былъ поставленъ надъ пропастью нечестія... Но Отеческая благодать съ высоты небесъ надвирала, бодрствовала надъ нимъ: прощала ему грѣховныя удовольствія при суетныхъ этихъ занятіяхъ и, по возможности отвращала его очи во еже не видѣти суеты, производя въ глубинѣ его души томленіе и крушеніе, смятеніе и замѣшательства, и возбуждая его искать истины и правды, всего возвышеннаго и изящнаго не въ тваряхъ, но въ Ней самой. Такъ, по крайней мѣрѣ, вѣрилъ онъ въ послѣдствіи, по обращеніи, и не зналъ чѣмъ возблагодарить Бога за эти милости. Все доброе въ своемъ воспитаніи, то наприимѣръ, что „у него память была хороша, что въ рѣчи своей умѣлъ соблюдать изящество, въ дружбѣ находилъ удовольствіе, не терпѣлъ отчужденія, невѣжества,—все онъ призывалъ дарами раба, которые преизобильно умножалъ и усовершеналъ въ немъ Богъ, его сладость, слава и упованіе“ (Liber 1 с. 15—20).

Приступая къ обзорѣнію юношеской своей жизни, тѣхъ двухъ годовъ, которые онъ провелъ въ родительскомъ домѣ, по выходѣ изъ школы, онъ съ ужасомъ видитъ, какъ поднялась въ немъ буря страстей, (преимущественно плотскихъ), омрачила всю душу, увлекла ее „по стремнинамъ вождельній“ въ бездну пороковъ. Домашніе и ближніе, за исключеніемъ матери, не заботились извлечь его изъ этой бездны. Одинъ Господь съ Своею строгостію и милосердіемъ не оставлялъ его: „всѣ законопреступныя удовольствія юности растворялъ горькими упреками и неизъяснимою досадою, и тѣмъ самымъ заставлялъ многмятежную душу искать удовольствій

безупречныхъ и нигдѣ, какъ въ Немъ, Источникъ всякія радости и утѣхи, и такимъ образомъ его, растерзаннаго и разбросаннаго по частямъ, Онъ единый собиралъ въ одно“. (Liber 2 с. 1—3). Туже непреодолимо влекущую и спасающую силу Божию онъ ощущалъ и во вліяніи на него благочестивой матери его. „Ея заботливыя увѣщанія къ цѣломудрію, кротости и проч. — чьи это были слова, Господи, взывалъ Августинъ, какъ не Твой голосъ, хотя я долго не замѣчалъ и не понималъ этого, хотя ея внушенія и совѣты казались мнѣ женскою слабостію“. (Liber 2, с. 4).

Далѣе, по удаленіи его изъ родительскаго дома, неисповѣдимое Провидѣніе попускаетъ ему рядъ паденій, начавшійся съ того, что онъ сталъ воровать вмѣстѣ съ товарищами, воровать не отъ бѣдности, не отъ крайности, а ради того только, что это не дозволено, чтобъ находить удовольствіе въ самомъ удалскомъ воровствѣ, во взаимномъ сообществѣ и одобреніи участниковъ преступленія. И, Богъ знаетъ, исповѣдуются Августинъ, чѣмъ бы все это кончилось, еслибы Отецъ небесный не сжалился, не умилосердился надъ блуднымъ этимъ сыномъ и не предохранилъ его отъ многихъ преступленій его сообщничества! Какъ бы то ни было, но въ мрачной товарищеской средѣ юный Августинъ былъ сравнительно свѣтлая личность, таившая отъ нея свои добрыя качества: въ глубинѣ души онъ тяготился ею и, влекомый силою свыше, стремился къ покою невозмутимому и жизни безмятежной (Liber 2, с. 4—10).

Слѣдующіе 9 лѣтъ есть бурное время всякаго рода страстей и умственныхъ заблужденій. Сладострастіе, страсть къ театральнымъ зрѣлищамъ, высокоуміе и другія страсти, и прежде бушевавшія въ душѣ его, теперь не знали ни числа, ни мѣры, ни степени. Нравственность его падала тѣмъ ниже, чѣмъ болѣе возвышался уровень его образованія, чѣмъ больше пріобрѣталъ онъ свѣдѣній (на 20 году онъ обладалъ обширными свѣдѣніями во всѣхъ *liberalibus artibus*), тѣмъ худшее употребленіе давалъ онъ имъ въ жизни, тѣмъ дальше становился онъ отъ истины. Отъ источника истины, Слова Божія онъ презорливо отшатнулся: не постигая внутренняго его содержанія, онъ считалъ его слишкомъ про-

стымъ, положительнымъ и даже грубымъ, и несравненно болѣе предпочиталъ ему изящнаго и краснорѣчиваго Гортензія (затерянное сочиненіе Цицерона). Но и Цицеронъ не удовлетворилъ его любознательности, хотя и зажегъ въ немъ непреодолимое желаніе мудрости: онъ искалъ мудрости болѣе утонченной, которая бы обѣщала ему чудеса. Въ немъ возникла страшная борьба мыслей и чувствъ: умъ требовалъ знанія, сердце искало покоя вѣры. Въ жгучемъ этомъ боженіи онъ бросается въ секту манихеевъ. Съ своими мнимыми таинствами, своимъ безобразнымъ смѣшеніемъ языческой философіи съ ученіемъ евангелія (своими бреднями о происхожденіи міра изъ двухъ началъ, о тѣлесности Бога и ангеловъ, о призрачности плоти и страданій Спасителя, о происхожденіи ветхаго завѣта изъ злаго начала, нравственныхъ законовъ изъ народныхъ обычаевъ) и своими обаятельными обольщеніями для ума и чувственности секта эта довершила умственные его заблужденія и нравственные паденія: онъ самъ признавался, что для души его стократно менѣе пагубны были басни язычниковъ, нежели вымыслы манихеевъ (III Liber. cap. 3 — 6). Но чѣмъ глубже онъ падалъ, тѣмъ болѣе бодрствовало надъ нимъ Неизреченное Милосердіе. Оно горькою и спасительною желчью растворяло пагубныя страстныя его удовольствія и вразумляло его своими праведными наказаніями, хотя эти наказанія, по собственному его сознанію, ничего не значили въ сравненіи съ тяжкими его преступленіями. „Оно научило его безхитростно учить словеснымъ хитростямъ (въ грамматическихъ и риторическихъ школахъ, открытыхъ имъ въ Карфагенѣ, а потомъ въ Тагастѣ) и образовывать въ добромъ смыслѣ добрыхъ учениковъ. Оно предохранило его отъ гнусныхъ чаръ какого то прорицателя, который обѣщалъ ему, чрезъ покровительство благопріятныхъ духовъ (daemonia), доставить побѣду въ публичныхъ состязаніяхъ въ чтеніи, пѣснопѣніи. Оно ниспослало два чудесныя знаменія своего неусыпнаго храненія и покрова надъ нимъ. 1) Мать оплакиваетъ его паденіе такъ горько, что слезы ручьи льются у нея и орошаютъ собою землю на всякомъ мѣстѣ ея молитвы, „день и ночь ходатайствуя о его обращеніи“. И вотъ, въ тонкомъ снѣ ея является къ

ней ангелъ и говорить, что „сынъ ея будетъ съ нею и гдѣ она, тамъ и онъ“. а она уже прервала всякое общеніе съ сыномъ сектантомъ, розно флѣ и пила съ нимъ. 2) Одинъ св. епископъ, въ молодости своей зараженный манихействомъ и, послѣ тщательнаго изученія секты, самъ собою отставшій отъ нея, — сколько по собственному опыту, столько и по внушенію свыше, — сказалъ матери, когда та со слезами умоляла его вразумить погибающаго сына: „оставь его пока, — со временемъ онъ самъ увидитъ грубость заблужденія своего, которое и отвергнетъ, и пошлость нечестія, отъ котораго отстанетъ; при томъ, быть не можетъ, чтобы чадо столькихъ слезъ погибло“. Можно думать, что Провидѣніе, такъ чудно предуготовлявшее его обращеніе, нарочито попустило ему блуждать въ тѣмъ суевѣрій и страстей, чтобы, посредствомъ тяжкаго опыта, дать ему живо восчувствовать, что нѣтъ нигдѣ истины и мира, кромѣ Источника истины и правды, чтобы тѣмъ сильнѣе впоследствии привязать его къ нимъ. Это онъ и самъ сознавалъ въ мрачномъ томленіи души своей, когда только приходилъ въ себя. Такъ онъ сознается, что прекрасныя сочиненія Цицерона не удовлетворяли его потому, что онъ не нашелъ въ нихъ сладчайшаго имени Іисуса, которое онъ воспринялъ вмѣстѣ съ материнскимъ молокомъ (Lib. III, с. 7 — 12). Такимъ образомъ и сквозь мракъ заблужденія свѣтился для него свѣтъ высшей истины и заставлялъ томящуюся душу устремляться къ нему, искать его, хотя и не вдругъ далъ найти себя.

Теперь Господь посылаетъ, какъ особыхъ провозвѣстниковъ уготовлявшагося ему спасенія, нѣкоторыхъ избранныхъ людей. Близкое знакомство въ Карфагенѣ съ такимъ мужемъ, какъ опытный и престарѣлый врачъ Виндиціанъ, сдѣлавшійся домашнимъ его другомъ и собесѣдникомъ, было дѣломъ особаго о немъ промышленія: „въ лицѣ этого старца Цѣлитель душъ и тѣлесъ посѣщаль его и благоволилъ исцѣлить душу его отъ разныхъ заблужденій астрологіи, которой онъ было страстно предался (Lib. IV с. 3). Въ Тагастѣ Провидѣніе сводитъ его съ какимъ то другомъ, (какимъ именно, не говоритъ ни одинъ жизнеописатель его), и, послѣ однолѣтней дружеской жизни ихъ, изъемлетъ друга изъ жизни, удостоивъ

его предъ смертію св. крещенія. Внезапная смерть и неожиданное обращеніе друга произвели необычайное дѣйствіе на Августина. Считавшій друга „дражайшею половиною души своей, вѣрившій, что ихъ души составляютъ какъ бы одну душу въ двухъ тѣлахъ“, Августинъ нѣсколько недѣль страдалъ, вздыхалъ, стоналъ, проливалъ слезы; долго носился съ измученною и истерзанною душею, нигдѣ и ни въ чемъ не находя себѣ покоя, ни въ зрѣлищахъ, ни въ увеселеніяхъ, ни въ занятіяхъ. Самая отчизна стала для него въ тягость и отеческій домъ — несчастіемъ, потому что здѣсь все напоминало о потерянномъ другѣ. Чтобы уйти отъ преслѣдующей его тѣни друга, онъ удалился изъ Тагаста опять въ Карфагенъ. При всей нѣжности и впечатлительности души, столь безутѣшная скорбь по другѣ, съ которымъ онъ знакомъ былъ всего одинъ годъ, была явленіемъ не совсѣмъ естественнымъ: „это была безотчетная тоска не столько о потерѣ близкаго сердцу, сколько объ удаленіи отъ никогда Нетеряющагося и вѣчно Пребывающаго, это былъ особенный призывъ изнывающей души къ Тому, въ Комъ все ея благо и счастье: я знаю, взывалъ онъ изъ глубины скорбной души, что за исцѣленіемъ и облегченіемъ надлежало обратиться къ Тебѣ, Господи! Знаю, но не смѣю, страшусь! Но Ты, преслѣдующій бѣгущихъ отъ Тебя, Богъ мщенія и Источникъ милосердія, обращающій насъ къ себѣ непостижимыми путями, — Ты, чрезъ скорбный этотъ ударъ, иссушившій сердце и кости мои, вразумлялъ и обращалъ меня къ Себѣ“ (Liber IV с. 4 — 7).

Но время и общество друзей уврачевали скорбь. Онъ весь отдается ученымъ и преподавательскимъ занятіямъ. Особенно увлеченный риторомъ Гіэріемъ, онъ, чтобы получить одобрительный отзывъ отъ знаменитаго ритора, представилъ ему свое сочиненіе „о прекрасномъ и приличномъ“. Какъ самъ онъ сознается, это былъ жалкій опытъ юношескихъ иллюзій: прекрасное и приличное опредѣлялось и построивалось у него по образцамъ чувственнаго міра. Увлекавшаяся всякимъ вѣтромъ, объята гордостію душа его кружилась то тамъ, то сямъ, подобно звуку, носящемуся въ воздухѣ, и — свѣтъ былъ закрытъ для нея облакомъ, и истины она не видѣла.

Тѣмъ не менѣе руководство спасительнаго Промысла было для нея слишкомъ ощутительно: „Ты взжигалъ свѣтильникъ мой, Господи, взывалъ онъ, вспоминая это время, Ты, Боже мой, просвѣщалъ тьму мою! Способность и навыкъ мой безъ особеннаго труда и даже руководства такъ скоро понимать все: въ свободныхъ наукахъ краснорѣчія и философіи, въ искусствахъ музыки и поэзіи и въ измѣреніяхъ математическихъ, и это умѣнье быстро и удобопонятно передать всякія знанія другимъ, и всякое знаніе мое—отъ Тебя, Боже мой! Понятливость и проникаемость моя суть Твои дары, хотя я и не приносилъ ихъ въ жертву Тебѣ, но удалился съ ними въ страну далекую, чтобъ расточить достояніе Твое на распутныя прихоти и пожеланія“ (Lib. IV, с. 14—16).

Вразумляющее и вседѣтельное промышленіе Божіе начинается мало по малу разгонять мракъ заблужденій и, что всего удивительнѣе, чрезъ самыхъ же омрачителей его. Оно дало ему способность прозрѣть во всю ложь и невѣжество, скрывавшіяся за роскошнымъ нарядомъ словъ въ ученіи всѣми превозносімаго Фавста, манихейскаго епископа, Оно внушило ему, что въ несвязныхъ и невѣжественныхъ вымыслахъ всей манихейской секты нѣтъ ничего самостоятельнаго, похожаго на ученіе мыслящихъ философовъ, и такимъ образомъ онъ въ душѣ отшатнулся отъ секты, хотя явно и не расторгалъ съ нею связей: „Ты руководилъ меня неисповѣдимыми путями Твоего Промысла и обратилъ наконецъ взоръ мой на нелѣпыя заблужденія мои, выставивъ мнѣ ихъ на лицо съ тѣмъ, чтобы я возненавидѣлъ ихъ. Ты облегчилъ мнѣ выходъ изъ этихъ свѣтей. Да кто иной могъ подать мнѣ спасеніе, кромѣ Твоей десницы, возсозидающей то, что Ты сотворилъ“? (Liber. V, capitula 1—7).

Всю глубину сокровенныхъ путей и отеческое Господне благопромышленіе о немъ Августинъ усматриваетъ и прославляетъ въ томъ обстоятельстве, что онъ задумалъ, во что бы то ни стало, переселиться и переселился изъ Карфагена въ Римъ. Въ самомъ дѣлѣ, выгоды и почести; какія друзья обѣщали ему въ Римѣ, не занимали его. Недовольство карфагенскими учениками, (правда, очень своевольными, нагло

врывающимися въ школу во время занятій и, подобно горячечнымъ и неистовствующимъ, безнаказанно производившими беспорядокъ въ ней), и надежда водворить болѣе строгую дисциплину въ римской школѣ были слишкомъ не важными побужденіями, чтобъ покинуть Каррагенъ, гдѣ онъ былъ такъ великъ и славенъ. А что значило это тайное бѣгство отъ любимой матери, которая плакала, обмирала, гналась за нимъ, сторожила всю ночь корабль его, чтобъ воспрепятствовать его отбытію,—это никакъ не удержимое, непонятное для него самого влеченіе въ чуждое мѣсто, къ чуждымъ людямъ? Онъ самъ объясняетъ это, говоря, „Ты, Господи, приближице и доля моя на землѣ живыхъ, при такой перемѣнѣ мѣстопребыванія моего, имѣлъ въ виду душевное мое спасеніе: съ этою цѣлію Ты оттолкнулъ меня отъ Каррагена и привлекъ въ Римъ; для исправленія путей моихъ Ты воспользовался перемѣнчивостію въ мысляхъ и дѣйствіяхъ моихъ съ непостижимою для меня сокровенностію, и дѣлалъ это чрезъ людей, манившихъ меня къ чему то иному, помышлявшихъ только о земной суетѣ“ (Lib. V с. 8). Между тѣмъ, скоро по прибытіи въ Римъ, онъ заболѣлъ и „находился уже на пути къ праотцамъ, неся съ собою все зло свое“. Благочестивая мать ничего этого не знала, а только молилась и плакала за него вдаль: и вотъ „Всевышній, никогда не оставлявшій его и всегда творившій то, чему надлежало быть по предустановленному порядку предопредѣленія Его, услышалъ ее и его помиловалъ“: онъ вдругъ выздоровѣлъ.

Это второе чудесное исцѣленіе его отъ недуговъ не уврачевало однакожъ грѣшной души его, хотя въ планахъ Провидѣнія и должно было предуготовлять его къ лучшей духовной жизни. Въ Римѣ онъ снова сошелся съ манихеями и даже жилъ съ однимъ изъ этихъ избранныхъ (electi) пустосвятовъ и обманщиковъ. А тутъ еще стали терзать его душу сомнѣнія скептиковъ-философовъ. Крайній скептицизмъ, въ который онъ такъ скоро впалъ, нанесъ бы смертный ударъ обуреваемой душѣ, еслибъ не спасло ее Провидѣніе. Спасительнымъ средствомъ Оно избрало на этотъ разъ платоническую философію, служившую для него какъ бы переходомъ отъ грубыхъ чувственныхъ представленій манихейства къ

образу мыслей болѣе одухотворенному и возвышенному, отъ преобладанія воображенія къ господству разсудка, отъ вѣры въ два противоположныя начала къ понятію о Единомъ Источникѣ жизни и мудрости. По сознанію самого Августина, „платоническая философія, по устроенію Божію, возжгла въ немъ чудный огонь и поставила его у вратъ церкви“ (Lib. V с. 9 и 10: contra Academ. Lib. 2 с. 5). Къ довершенію спасительнаго его призыва, Провидѣніе призываетъ его изъ Рима въ Медіоланъ, на славный постъ наставника краснорѣчія при дворѣ императора Валентиніана, имѣя въ виду чрезъ высокое это назначеніе, устроенное при посредствѣ манихеевъ, навсегда разлучить его съ манихеями. „Ангелу—предстоятелю Медіаланскія церкви, св. епископу Амвросію Духъ Божій указываетъ ввести его въ доно церкви и какъ чудно и мудро“! Тронутый привѣтливостію и благо-расположенностію челоуѣка Божія, восхищенный ораторскимъ его талантомъ, Августинъ сначала обращалъ вниманіе лишь на сладость и пріятность рѣчи Амвросія, а не на предметъ и содержаніе, но вмѣстѣ съ словами мало по малу проникала въ душу и самая истина, такъ что онъ становился все ближе и ближе къ истинѣ и спасенію, и рѣшился наконецъ пребывать оглашеннымъ въ православной церкви: „Ты велъ меня къ нему безъ моего сознанія; говоритъ онъ о своемъ просвѣтителѣ и наставникѣ спасенія, для того чтобъ онъ привелъ меня къ Тебѣ съ сознаніемъ: краснорѣчивыя уста его подавали мнѣ Твою духовную пищу, Твое духовное питіе, Твой елей радости“ (Lib. V, с. 13 и 14).

Въ это время, при начинавшемся духовномъ возрожденіи его, прибыла къ нему въ Медіоланъ мать его и прибыла далеко не случайно. Въ сонномъ или лучше пророчественномъ видѣніи Господь подкрѣпилъ ее въ намѣреніи этого путешествія, которое давно было въ ея мысляхъ и желаніяхъ, предсказавъ ей страшную бурю на морѣ и чудесное избавленіе ея и всѣхъ спутниковъ ея.—Нашедъ сына ни манихеевомъ, ни христіаниномъ, (сдѣлавшись оглашеннымъ, онъ долго колебался въ убѣжденіяхъ и близокъ былъ къ индеферентизму), мать проливала о немъ самыя горькія слезы и молитвы. Замѣчательна ея молитва, ввѣрившая обращеніе

сына единственно благому и чудодѣйствующему благопромышленію о немъ: „рцы, взывала она къ Богу, и этому сыну вдовицы (Августину): юноше! тебѣ глаголю: возстани, дабы и онъ ожилъ душею, а Ты отдалъ бы его матери, — такъ какъ Ты обѣщалъ мнѣ дать его живымъ и цѣлымъ (Lib. VI, с. 1).

Вспомоществуемому св. материнскими молитвами, да еще прежде этихъ молитвъ ставшему въ ограду церкви, послѣ долгихъ мученій и томленій въ поискахъ за истиною, ему оставалось лишь подойти къ источнику воды живыя, — слову Божию и пить изъ него. Но этотъ шагъ былъ задержанъ нравственными его недугами, которые предъ окончательнымъ испѣленіемъ ихъ вспыхнули самымъ бурнымъ и упорнымъ пламенемъ. „Сильнѣе прежняго, исповѣдуется онъ, стала мучить меня жажда почестей, временныхъ выгодъ, желаніе супружества; но Ты, Господи, посмѣвался надъ моими домогательствами чести, прибытковъ и тѣмъ милостивѣе былъ для меня, чѣмъ менѣе попускалъ мнѣ находить удовольствіе въ нихъ. Какъ бѣдна и изранена была душа моя! Но Ты давалъ ей чувствовать жгучесть боли, чтобы она, оставивъ все, обратилась къ Тебѣ Единому, всего сладчайшему, безъ котораго все было бы ничто“. Замѣчательно, что святые эти чувства заговорили съ его душѣ тогда, какъ онъ шелъ говорить рѣчь императору, полную живыхъ восхваленій, и когда онъ увидѣлъ на дорогѣ нищаго, котораго, послѣ разныхъ разпросовъ, онъ нашелъ много честнѣе и счастливѣе себя (Lib. VI, с. 6, 11, 14). Наиболѣе всего удаляли его отъ предуготовлявшагося ему спасенія плотскія его страсти. Чтобъ обуздать ихъ, мать обручила его съ одною дѣвницею, и незаконная жена ушла отъ него, бросивъ ему прижитаго съ нимъ сына. Но такъ какъ обрученной невѣстѣ не доставало до совершеннолѣтія двухъ лѣтъ, то необузданная страсть связала его съ другою непотребною женщиною. Но чудное дѣло! Когда „огонь страстей жегъ, мучилъ его совѣсть, а душа, какъ онъ самъ говорить, гнила, холодѣла и отчаянно болѣла“: образъ внезапной смерти и страшнаго суда, какъ призракъ, вдругъ сталъ предъ нимъ и ни на минуту не отступалъ отъ него, ужасая его и охлаждая порывы страстей: „Тебѣ—хвала, Тебѣ слава, Источниче щедротъ!

Я съ своими пагубными страстями дѣлался все мерзостнѣе, а Ты съ своими неотступными угрозами все ближе становился ко мнѣ, и уже готова была десница Твоя исхитить меня изъ тины мерзостей и омыть меня“ (Lib. VI, с. 15 и 16). Такъ неотразимо дѣйствовала призывающая благодать Божія на сердце Августина, когда она поставила его у вратъ церкви!

Такъ какъ онъ искалъ разумнаго убѣжденія въ вѣрѣ, то премудрость Божія еще разъ даетъ ему убѣдиться разумнымъ опытомъ, что ни философія языческая, ни даже ученіе христіанское, безъ особой внутренно-дѣйствующей силы Божіей, не могутъ привести его ко спасенію. Изъ неоплатонической философіи Августинь пріобрѣлъ довольно чистыя понятія о Богѣ, какъ Высочайшемъ Умѣ, Силѣ и Любви, отчасти и о происхожденіи зла въ мірѣ. Обрадованный новому этому пріобрѣтенію, онъ съ прискорбіемъ замѣтилъ, однакожъ, что философія не давала ему силы къ обузданію страстей, къ укрощенію беспорядочныхъ пожеланій, что онѣ воевали въ его душѣ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе онъ считалъ ихъ побѣжденными при помощи науки. Вникая глубже въ философію, онъ видѣлъ въ ней одни призраки истины, которые исчезали въ то самое мгновеніе, когда онъ думалъ узрѣть въ нихъ самую истину. „Эти тщеславные люди, воспоминаеть онъ, только распѣвали о философіи и говорили: истина, истина, а проповѣдывали одну ложь“. Отъ философіи обратившись къ священному писанію и преимущественно къ евангелію Іоанна и посланіямъ Павла, онъ увидѣлъ всю бездну, раздѣлявшую и возвышавшую ихъ надъ философіею. Особенно ученіе о благодати, которой такъ жаждала смущенная его душа и о которой ничего не слыхалъ онъ ни въ одной философіи, раскрыло предъ нимъ недосызаемое превосходство Божественнаго откровенія предъ языческою философіею. При этомъ „истины слова Божія съ дивною силою проникали душу его; онъ рассуждалъ, трепеталъ и вмѣстѣ радовался; самыя предшествовавшія этому состоянію мученія и стenanія сердца, къ которымъ всегда отверсты были очи и уши Господни, ниспосланы были для того, чтобъ тѣмъ

выше была радость исцѣленія отъ душевныхъ этихъ недуговъ“. (Lib. VII, с. 7 и 21).

Но, напавъ на слѣдъ истины, сталъ ли онъ твердо на пути спасенія? Далекъ нѣтъ. „Теперь онъ не могъ извиняться болѣе тѣмъ, что не зналъ истины; нѣтъ онъ позналъ истину, но, привязанный къ землѣ, онъ отказывался воинствовать для Бога и такъ боялся освободиться отъ препятствій къ истинѣ и спасенію, какъ надлежало бояться самыхъ препятствій“. Люди совѣта и разума, не безъ воли Провидѣнія, всемѣрно старавшіеся ускорить своими наставленіями его обращеніе, скорѣе убѣждаютъ насъ въ томъ, что ни онъ, ни они безъ особаго чудеснаго призванія ничего не могли сдѣлать. Какъ внимательно слушалъ онъ простыя, полныя духа и силы, убѣжденія Симплиціана, человѣка ученаго, многоопытнаго, всю жизнь служившаго Господу и исполненнаго Духа Святаго! Какъ сильно подѣйствовалъ на него приведенный Самплиціаномъ примѣръ ратора Викторина, который изъ платоника внезапно сдѣлался христіаниномъ. Душа и сердце его разрывались отъ желанія все оставить для Господа, и что же? „Это усиленное желаніе, какъ онъ самъ исповѣдуются, было не больше, какъ усиліе разоспавшагося человѣка, который хочетъ подняться, но опять погружается въ сонъ, или усиліе страдающаго разслабленіемъ всѣхъ членовъ, который желаетъ, но не можетъ подняться съ одра. Сколько разъ слышалъ онъ голосъ: „возстани спяй и воскресни отъ мертвыхъ и освятить тя Христосъ“! И каждый разъ онъ болѣзненно отвѣчалъ на этотъ голосъ: „оставь, подожди немножко“: двѣ воли, одна ветхая, а другая новая, та плотская, а эта духовная ссорились между собою и раздирали душу (Lib. VIII, с. 1—5). Не менѣе Симплиціана тронулъ чуткую душу Августина нѣкто Понтинціанъ своею бесѣдою о подвигахъ великаго отшельника Антонія Александрійскаго, и между прочимъ объ обращеніи, по прочтеніи жизни послѣдняго, двухъ друзей Августина. Бесѣда эта поставила Августина лицомъ къ лицу съ самимъ собою: онъ увидѣлъ всю глубину поврежденія своего, всю нечистоту души своей, увидѣлъ, затрепеталъ и не зналъ куда скрыться отъ самаго себя; въ ужасѣ рвалъ себѣ волосы, билъ въ

грудь, чело, сгибалъ колѣна, бросался на землю, всѣ кости его вопіяли о нечистотѣ и отчаяніи. И о чемъ же онъ такъ терзается? „Помню, отвѣчаетъ онъ, какъ еще въ началѣ юности просилъ я у Тебя чистоты, а самъ опасался, что Ты скоро меня услышишь, потому что самъ желалъ болѣе удовлетворять своей похоти, чѣмъ угашать ее. Двѣнадцать лѣтъ, какъ я, (прочитавъ Гортензія), рѣшилъ искать мудрости, презрѣвъ все земное счастье, и—ничего не сдѣлалъ! Я постоянно говорилъ самъ себѣ: „теперь сдѣлаю, сдѣлаю!“ и вмѣстѣ съ словами приступалъ къ дѣлу, но опять властвовало въ душѣ моей старое худшее, и самый срокъ времени, въ который я намѣревался перемѣнить жизнь, чѣмъ ближе наступалъ, тѣмъ болѣе страшилъ меня. Прихоти и страсти, съ которыми я хотѣлъ покончить, постоянно твердили мнѣ: ужели съ этой минуты ты оставляешь насъ во вѣкъ? Онѣ сзади останавливали, щипали и кричали, чтобъ я оглянулся назадъ. И какими бичами (побужденіями) старался я подвинуть и поражать душу мою, чтобъ она слѣдовала за Тобою! Но она медлила, отказывалась, она, какъ будто смерти, страшилась отреченія отъ тѣхъ привычекъ, которыя ни къ чему иному не вели, какъ только къ смерти“. (Lib. VIII, с. 6—11). Теперь, когда чрезъ необычайное потрясеніе души тайная рука любви Отчей низложила высокомеріе ума его, смягчила его жестокость, охладила жаръ страстей и привела его къ полнѣйшему убѣжденію, что самъ онъ не въ силахъ одолѣть свои привычки и страсти, и люди сами по себѣ не въ состояніи обратить его къ Богу,—благодать Божія сама производитъ рѣшительный переломъ въ его душѣ, разомъ преобразуетъ все ея существо. Обстоятельства сверхъестественнаго этого призванія слишкомъ извѣстны, чтобъ подробно описывать ихъ. Мы коснемся тѣхъ душевныхъ состояній и подробностей, которыя важны для нашей специальной цѣли.—Встрѣтивъ у себя въ домѣ друга Алиція, онъ высказываетъ ему ужасное внутреннее бореніе души, высказываетъ не столько словами, сколько необычайно перемѣною въ лицѣ, глазахъ, голосѣ, дрожаніями всего тѣла, рыданіями, слезами. Не находя нигдѣ покоя, онъ, самъ не зная зачѣмъ, пошелъ съ другомъ въ садъ. Между тѣмъ „страшная буря въ душѣ

его раздражалась все сильнѣе, волновала и развѣвала его мысли, увлекая ихъ туда и сюда; воздыханія сердца его были подобны порывамъ разбушевавшагося вихря или рыканіямъ пустыннаго льва“. Чтобы не препятствовать этой бурѣ разлитись со всею ея силою и „излиться дождемъ слезъ“, онъ отошелъ отъ Алипія и повергся на землю подъ однимъ деревомъ. Теперь дана полная воля слезамъ, и вотъ онъ полился, какъ дождь, какъ потоки. Рыдая, онъ взывалъ: „доколѣ, Господи, гнѣвъ Твой на меня, доколѣ? Почему же не нынѣ, не теперь конецъ моего непотребства“? И вдругъ онъ слышитъ голосъ, нѣсколько разъ повторявшій: „возьми, читай“. Удержавъ потокъ слезъ, осмотрѣвшись кругомъ и увѣрившись, что это былъ голосъ Божій, приказывавшій ему читать изъ свящ. писанія то, что раскроется, онъ идетъ къ тому мѣсту, гдѣ сидѣлъ Алипій, беретъ оставленную имъ тамъ прежде книгу посланій и читаетъ слѣдующее открывшееся ему мѣсто: не козлогласованіи и пьянства... но облечитесь Господемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ (Римл. 13, 13). При этихъ словахъ, глубоко запавшихъ въ его сердце, его озарилъ свѣтъ вѣры и убѣжденій, и обращеніе его совершенно разъ навсегда. Съ этой минуты онъ совершенно перемѣнилъ образъ жизни, навсегда отрекся отъ супружества, почестей, богатства и всего себя посвятилъ на служеніе Единому Богу. Въ своей ревности по Богѣ и истинѣ христіанской онъ рѣшился даже распустить школу риторовъ своихъ: такъ какъ „въ ней отроки поучались не закону Господню, не миру, а суетному препирательству въ словѣ и бранемъ судебнымъ“. И этотъ дивный неожиданный переворотъ въ жизни, эту безутѣшную печаль по Богѣ, эти пламенные мольбы съ обращеніи и самое обращеніе могла произвести въ немъ, по собственному его сознанію, лишь всемогущая благодать: „Ты мгновенно приклонилъ выю мою подъ благое иго Твое ирамена подъ благое бремя Твое, Христе Іисусе, Избавителю мой! И какъ пріятно было разомъ покончить со всѣми приманками и грѣшными удовольствіями, десятки лѣтъ сковывавшими меня! И это—оттого, что Ты, Сладчайшій паче всякаго наслажденія, Свѣтлѣйшій всякаго свѣта, Высочайшій

всякой чести, изгналъ эти наслажденія и Самъ вселился на мѣсто ихъ“ (Lib. VIII, с. 12, lib. 9 с. 1:)

Среди приготовленій къ крещенію, состоявшихъ въ молитвѣ, постѣ, чтеніи и пѣніи псалмовъ, въ бесѣдахъ о вѣрѣ и философіи, (приготовленій, продолжавшихся около полгода), Августинъ видѣлъ надъ собою новый опытъ наказующаго и милующаго Божественнаго промысленія. Онъ заболѣлъ нестерпимою зубною болью, такъ что не могъ говорить, и уже посредствомъ надписи на дощечкѣ просилъ друзей помолиться о немъ Богу. Какъ только приклонили они колѣна, моля объ исцѣленіи недужнаго, болѣзнь его вдругъ прошла. И—это исцѣленіе онъ признаетъ за чудесный даръ милости Божіей: „жестoko Ты мучилъ меня болѣзнію зубною, но и чудесно помиловалъ меня, и я, радуясь въ вѣрѣ, восхваляю милосердіе Твое“ (Liber. IX, с. 4). Во время совершенія крещенія, на него излились новые обильные потоки воды живыя (благодати). Вотъ какъ сладостно ощущалъ онъ ихъ въ себѣ и трогательно пересказываетъ о томъ: „я не могъ тогда насытиться дивною сладостію размышленія о высотѣ совѣта Твоего въ дѣлѣ спасенія моего. Сколько слезъ пролилъ я, слушая пѣсни церковныя, такъ сильно трогавшія меня! вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ пѣсни и слова наполняли мой слухъ, истина проливалась въ мое сердце. Въ познаніи истины душа очищалась, какъ металлъ въ горнилѣ. Истина проливалась въ мое сердце, отъ истины воспламенялось чувство благоговѣйной любви, и слезы струились, и сладки были мнѣ слезы, въ нихъ было все мое блаженство“ (Lib. X, с. 6).

Какъ начало своего спасенія, такъ и все продолженіе его Августинъ приписываетъ той же удивившей надъ нимъ свою милость благодати Божіей. „Я—младенецъ, рожденный Тобою, а Ты—мой отецъ, присно живущій во мнѣ и со мною. Ты пребываешь, Господи, въ памяти моей, Ты устроилъ въ сердцѣ моемъ ложе Себѣ, воздвигъ святилище Себѣ! Прими же пѣснь и плачь изъ смиреннаго сердца моего, какъ изъ благовоннаго кадила, усладись вонями храма святаго Твоего (Lib. X, с. 15). Ты возопилъ и расторгъ глухоту мою, Ты возсіялъ и просвѣтилъ слѣпоту мою, Ты облагоухалъ и я дышу Тобою; я вкусилъ и алчу и жажду Тебя (с. 2). Продолжай

же Господи, начатое Тобою, совершай несовершенное мною. Дай мнѣ что повелишь, повелѣвай что хочешь“ (Lib. X, с. 4). Дознавъ горькимъ своимъ опытомъ, какъ скоро и ужасно можно пасть и какъ тяжело и безъ помощи свыше не возможно возстать, онъ зорко слѣдилъ за всѣми душевными движеніями, беспощадно осуждалъ себя за всякое нечистое пожеланіе и мысль, во всемъ видѣлъ у себя грѣхъ да грѣхъ, и при всякомъ поползновеніи ко грѣху взывалъ къ Богу о помощи, словомъ жилъ, постоянно емляся за Бога и вѣчную жизнь: „увы мнѣ, Господи! Добро и зло, радости и печали присно борются въ душѣ моей, и на какой сторонѣ будетъ побѣда, не знаю. Увы мнѣ, Господи! Вотъ раны мои, и я не скрываю ихъ: Ты врачъ, а я больной, Ты — милосердый, а я бѣдный“. — Искушали его плотскія похоти, во снѣ ли, въ воспоминаніяхъ? Онъ повергался предъ Богомъ, говоря: „не сильна ли рука Твоя исцѣлить всѣ недуги души моей и укротить беспорядочныя движенія сна моего.“ Возбужденія сластолюбія и чревоугодія вкрадывались въ него? Онъ смиренно взывалъ: „помилуй мя, Господи, и отврати отъ меня всякую прихоть невоздержанія, ибо никто не можетъ быть воздержнымъ, если Ты не дашь ему“. Невинныя наслажденія слуха и зрѣнія привлекали его? Онъ и тутъ трепеталъ за себя и вопіялъ: „Сладость и Красота моя! да не услаждается мой слухъ никакими пѣснями и звуками, кромѣ гимновъ Твоихъ божественныхъ, и да не восхищается никакою красотою, кромѣ той, которая отъ Тебя исходить и о которой воздыхаетъ душа моя день и ночь“. Особенно боялся онъ искушеній славолубія, людской молвы и хулы: „безуміе мое, молился онъ, далече отжени отъ мене, да елей грѣшнаго не будетъ намащеніемъ для главы моея. Я не знаю, на сколько чистъ я отъ этой язвы (славолубія) и страшусь моихъ поползновеній ко грѣху сему, которыя единъ Ты вѣси“ (Lib. X с. 30—37). Такъ былъ онъ строгъ къ самому себѣ, такъ безгранична была преданность его Богу! Весь онъ былъ въ Богѣ, а самъ великъ былъ только въ прахѣ предъ Богомъ, во всемъ онъ предоставлялъ дѣйствовать Богу, а самъ оставался какъ бы благовѣрнымъ зрителемъ того, что совершала въ немъ благодать.

Преуспѣвая со дня на день въ вѣрѣ и добродѣтели, и все относя единственно къ славѣ Божіей, блаженный и въ послѣдующей своей жизни, особенно въ постановленіи его въ пресвитеры и епископы, признавалъ-распоряженія Высшей воли, ведшей его, противу воли его, къ высшимъ цѣлямъ. Остановимся на двухъ этихъ знаменательныхъ въ его жизни событіяхъ. Послѣ крещенія и предпринятаго вслѣдъ за тѣмъ путешествія въ Римъ, онъ съ нѣсколькими друзьями своими посвятилъ себя строжайшему уединенію близъ Каррагена, проводя все время въ постѣ, молитвахъ, чтеніи свящ. писанія и сочиненіи полезныхъ книгъ. Одинъ разъ нарушилъ онъ свое уединеніе и, по вызову друга, отправился въ сосѣднюю Иппонію. Тамъ идетъ онъ въ храмъ и приходитъ какъ разъ въ то время, когда епископъ Валерій совѣтовался съ народомъ объ избраніи достойнаго пресвитера. Взоры всѣхъ невольно обратились на Августина. Народъ, — (а его всѣ знали и въ уединеніи его и отовсюду стекались къ нему за совѣтами и наставленіями какъ въ духовной, такъ и въ мірской жизни), — силою привлекъ его къ епископу и онъ тотчасъ рукоположенъ былъ въ пресвитеры (въ 391 году). Въ чудномъ этомъ сплетеніи обстоятельствъ нельзя было не признать особенныхъ дѣйствій Провидѣнія, предназначавшаго ему иной высшій жребій. Черезъ 4 года (въ 395 г.) общимъ голосомъ епископовъ и народа онъ былъ поставленъ епископомъ: во гласъ народа онъ признаетъ гласъ Божій, въ волѣ іерарховъ — промыслъ Господень!

Да и вообще при своей необыкновенной святости жизни, при своей пламенной ревности ко св. вѣрѣ, при безпредѣльной любви къ Богу и ближнимъ, при неусыпной дѣятельности пастырской, миссіонерской и проповѣднической, при изумительномъ ученѣмъ трудолюбіи и рѣдкихъ умственныхъ дарованіяхъ, плодомъ которыхъ было необъятное множество сочиненія, онъ былъ въ исторіи церкви такимъ лицомъ, которое было воздвигнуто для чрезвычайныхъ цѣлей, чтобы быть опорой и украшеніемъ церкви. Одна неустанная борьба его съ манихеями, донатистами и пелагианами, которой посвящена была вся его жизнь отъ обращенія до смерти и которая велась съ непримѣрною энергіею и по-

стоянствомъ, посредствомъ многочисленныхъ собесѣдованій, трактатовъ и личныхъ ходатайствъ предъ властями, борьба всегда побѣдоносная, такъ что самое имя его было грозой для еретиковъ, одна уже эта борьба изобличаетъ въ немъ великаго избранника Провидѣнія, жившаго и дѣйствовавшаго подь особенною охраною неба. Даже темная половина его жизни, когда онъ былъ однимъ изъ самыхъ несчастныхъ сыновъ римскаго общества, когда онъ испыталъ вліяніе всѣхъ бурь своего времени,—даже и эти мрачные эпизоды его жизни были особымъ дѣломъ Промысла, удивительно подготовлявшаго его къ тому, чтобы быть цѣлителемъ тѣхъ недуговъ и утѣшителемъ въ тѣхъ несчастіяхъ, которыя онъ испыталъ надъ собою: (потому что только тотъ можетъ осушить наши слезы, кто плачетъ нашими слезами; только подь условіемъ горькаго своего опыта паденія онъ могъ сострадать и врачевать немощи и пороки своего времени). Чувство высокаго своего предназначенія и счастливаго, подь непрестаннымъ осѣненіемъ благодати, выполненія этого предназначенія не могло не отразиться на его взглядѣ на предназначеніе и предопредѣленіе человѣка вообще. Высокая полная благодатнаго мира жизнь его особенно послѣ страшнаго душевнаго погрома, казалась ему единымъ чудомъ благодати, и вотъ ему кажется, что если его естественныя, столь благоприятныя для спасенія, условія и силы были совершенно безсильны для его обращенія и спасенія, то и во всѣхъ, призываемыхъ ко спасенію, совершаетъ это спасеніе исключительно чудодѣйствующая благодать, а въ комъ она не дѣйствуетъ, кто предоставленъ естественнымъ силамъ своимъ и условіямъ, тотъ безвозвратно погибаетъ. Послѣ всего пережитаго и перечувствованнаго, и такъ трогательно и неподражаемо переданнаго намъ этою глубоко-вѣрующею, благодарною и Богопреданною душою, послѣ столь поразительныхъ знаменій небесной помощи и заступничества, которыя она видитъ на каждомъ шагѣ своей многопоучительной жизни, отъ колыбели до гроба, и послѣ столь очевидныхъ опытовъ неуклоннаго небеснаго водительства къ его обращенію и нравственному усовершенію, было бы гораздо удивительнѣе и неестественно, если бь онъ не пришелъ къ подобному

взгляду, или вѣрѣ въ безусловное предопредѣленіе. И замѣчательно, что къ этому взгляду онъ пришелъ непосредственно послѣ тщательнаго обзрѣнія своей жизни, плодомъ которой скорѣе появилась безсмертная его „Исповѣдь“, а до этого жизненнаго своего анализа онъ держался другаго извѣстнаго намъ взгляда.

Какъ много раннѣйшій личный опытъ вліялъ на воззрѣнія и образъ всей жизни его, видно изъ слѣдующихъ обстоятельствъ. Зная по опыту, какъ опасны оболъщенія міра и собственный нашъ произволь, онъ для себя и своего клира поставилъ непремѣннымъ правиломъ жизни полнѣйшее самоотреченіе. Онъ принималъ въ клирѣ только тѣхъ, которые отказывались отъ своей собственности и всѣхъ личныхъ приобрѣтеній, и соглашались жить въ уединеніи и самоотреченіи. Зная по собственному опыту, какъ опасны сластолюбіе, наряды, роскошь, онъ держалъ для себя и клира пищу самую простую, не позволялъ никакихъ украшеній ни въ одеждѣ, ни въ жилищѣ. Горькій опытъ плотскихъ страстей внушилъ ему такую осторожность въ отношеніи къ женскому полу, что онъ не позволялъ ни одной женщинѣ, даже сестрѣ своей входить въ домъ его и строго запретилъ клиру всякое общеніе съ женщинами. Вотъ наглядные факты неотразимаго вліянія раннѣйшей жизни на образъ мыслей и воззрѣній Августина.

2) Чтобы лучше понять зависимость Августинова ученія о предопредѣленіи отъ личныхъ особенностей жизни и характера, надобно имѣть въ виду слѣдующее. Системы вообще, по выраженію Риттера, носятъ на себѣ болѣе или менѣе яркую печать личности своихъ авторовъ: личныя особенности характера, чувствъ, склонностей и привычекъ живо отражаются на теоріяхъ ихъ, обращая ихъ изслѣдованія на тѣ преимущественно предметы, которые подходятъ подъ ихъ вкусъ и настроеніе, и давая тонъ и направленіе основнымъ взглядамъ теорій. Въ частности, люди, глубоко изучившіе человѣческую природу, выдержавшіе усиленную борьбу между закономъ ума и закономъ, сущимъ во удѣхъ, въ мучительномъ изнеможеніи отъ этой борьбы, обыкновенно склонны признавать себя безусловными рабами, а спасшую ихъ благодать всемогущю непреодолимою силою; въ страхѣ и трепетѣ

за свое отчаянное прошлое, въ благодарности и благоговѣніи за чудное свое спасеніе они видятъ въ себѣ лишь слабости, паденія и совершенное безсиліе къ добру, а въ Богѣ безмѣрную полноту благодати и силы, излившуюся на нихъ незаслуженно, безъ ихъ воли и учатся. Таковы на примѣръ Тертуліанъ и Кипріанъ. Въ системѣ Августина о благодати и предопредѣленіи, разработкѣ которой была посвящена почти вся его жизнь, по обращеніи его, и которая составляетъ перлъ его твореній, выразился великій духъ его, со всѣмъ богатствомъ его внутренней жизни. Но эта жизнь, какъ мы видѣли, есть непрерывная смѣна съ одной стороны сомнѣній, заблужденій, преткновеній и паденій. приведшихъ его къ сознанію совершеннаго безсилія его къ добру, а съ другой—знаменій небесной помощи и заступничества, спасавшихъ его изъ бездны тогда, когда онъ всего менѣе ожидалъ спасенія, и какъ бы вооруженною рукою взявшихъ его отъ беззаконій и поставившихъ его — совершенно обновленнымъ и возсозданнымъ—у подножія креста. И вотъ многознаменательный личный опытъ онъ дѣлаетъ мѣркою всей человѣческой природы: преобладавшее въ немъ чувство собственнаго безсилія въ добрѣ онъ приписываетъ всѣмъ и каждому, сверхъестественный способъ своего призванія онъ прилагаетъ ко всѣмъ, и такимъ образомъ складывается основной взглядъ его системы, что если кто спасается, то—безъ всякаго собственнаго соучастія,—такъ какъ онъ и не способенъ къ такому участию, но единственно по непреодолимому влеченію благодати.

Но весь вопросъ въ томъ, почему онъ свое ученіе основываетъ на личномъ своемъ опытѣ и принимаетъ единичный опытъ за общечеловѣчскій? На это есть много и другихъ причинъ. Извѣстно, что чѣмъ богаче одарена личность отъ природы, чѣмъ самостоятельнѣе она въ умственной работѣ, тѣмъ болѣе она руководится своимъ собственнымъ жизненнымъ опытомъ: теоріи талантливыхъ умовъ потому и приобрѣтаютъ авторитетъ для общества, что онѣ не химерны, не мечтательны, а составляютъ плодъ долголѣтняго жизненнаго опыта ихъ. Личность Августина была самая рѣдкая и высокоталантливая: въ ней, какъ мы видѣли, отразилась вся

природа человѣческая со всѣми ея совершенствами и недостатками; изучая ее, онъ изучалъ всего человѣка. Оттого большая часть его истинъ, высказанная на основаніи личнаго опыта, оказалась общечеловѣческими истинами; въ этомъ практическомъ происхожденіи и обоснованіи его истинъ и заключается тайна обаянія, произведенная имъ на современное и отдаленное потомство. Значить и въ данномъ случаѣ онъ смѣло могъ положиться на свой личный опытъ, какъ на общепризнанную уже норму общечеловѣческаго опыта. Скажемъ болѣе: въ рѣшеніи такого животрепещущаго вопроса, какъ отношеніе благодати къ свободной волѣ человѣка и предопредѣленіе его ко спасенію или гибели, не опираться на личный опытъ своей жизни было бы не достойно столь великой личности,—это значило бы отказаться отъ той великой роли и вселенскаго авторитета, какіе, какъ видно изъ писемъ къ нему Симилиціана, признавало за нимъ въ это время всеобщее церковное сознаніе. Къ тому же полному довѣрію къ своему опыту должна была вести его та строгая послѣдовательность, какую онъ соблюдалъ какъ въ жизни, такъ и въ мысленіи. Извѣстно, что чему онъ училъ, то дѣлалъ, и что дѣлалъ, тому училъ и другихъ: по замѣчанію Губера, онъ ничему не училъ, чего бы не пережилъ самъ въ себѣ. Отъ однажды принятаго начала онъ не отступалъ никогда и не останавливался съ боязнію ни предъ какими крайними выводами, необходимо вытекающими изъ допущеннаго начала. Отсюда, если онъ долговременнымъ опытомъ дошелъ до признанія безсилія человѣческой природы въ ея стремленіяхъ къ святости, если разъ навсегда созналъ онъ, что только всемогущая благодать доставляетъ ей торжество надъ зломъ: то, съ свойственною ему послѣдовательностію, онъ никогда не могъ отступить отъ основныхъ этихъ воззрѣній, къ какимъ бы крайнимъ выводамъ ни вели они, а они само собою вели къ признанію безусловнаго предопредѣленія. На свой личный опытъ онъ тѣмъ смѣлѣе долженъ былъ положиться на этотъ разъ, что онъ не видѣлъ предъ собою никакихъ руксводящихъ опытовъ и теорій. Поднятый имъ вопросъ былъ совершенно новый. Такъ называемый синергизмъ, подъ образомъ котораго восточные отцы церкви представляли от-

ношеніе благодати къ свободной волѣ челоуѣка, былъ довольно неопредѣлененъ и едва ли былъ извѣстенъ ему, а монорегнизмъ (единое дѣйствіе благодати), котораго держались западные отцы, былъ еще сбивчивѣе: чтобъ въ такомъ жизненномъ вопросѣ, какъ нашъ вопросъ, оставаться на реальной почвѣ, не уходя въ мечты фантазіи, Августину оставалось руководствоваться личнымъ своимъ жизненнымъ опытомъ, тѣмъ болѣе что этотъ опытъ былъ такъ богатъ поучительными уроками. Наконецъ, опытъ этотъ тѣмъ самоувѣреннѣе могъ продиктовать ему данное ученіе, что оно находило себѣ подтвержденіе и поддержку въ современной ему общественной жизни. Въ его время жизнь христіанъ была далеко не такъ безупречна, какъ въ вѣка гоненій. Самъ же онъ говоритъ, что многіе ищутъ Іисуса только для того, чтобъ Онъ помогъ имъ въ земныхъ дѣлахъ, что тѣ преступленія, которыя такъ рѣдки были во времена апостольскія, теперь не считались и грѣхами, что пороки проникли и туда, гдѣ всего менѣе можно было ожидать ихъ, въ кругъ монаховъ, которые отказались отъ міра только по одеждѣ и по имени, а отнюдь не на дѣлѣ. Такой упадокъ нравственности Августинъ объясняетъ преимущественно оскуднѣніемъ чрезвычайныхъ дарованій и слѣдовательно отсутствіемъ того избытка благодати, которая непреодолимо влекла людей ко спасенію, во времена мученичества. Да и сами ослабѣвшіе въ добродѣтели современники Августина постоянно жаловались на безсиліе челоуѣческой природы къ добру и на оскуднѣіе этого рода благодати. Такимъ образомъ современная ему общественная жизнь и голосъ общественнаго сознанія поддерживали Августина во внушенномъ ему жизнію ученіи о совершенной мертвенности челоуѣка къ добру и о спасеніи его по непреодолимому влеченію благодати.

Учить въ данномъ случаѣ по внушенію своего личнаго опыта, учить и въ тоже время не совсѣмъ вѣрно понять этотъ опытъ и принять его за общечелоуѣческой невольной побуждали: составлявшій отличительную черту его жизни и характера избытокъ чувства и въ частности увлеченіе его чувствомъ благоговѣнія и благодарности предъ Богомъ. По замѣчанію Прессансе, ни одинъ богословъ въ свою систему

не положили болѣ сердца, чѣмъ блаженный Августинъ; пламя одушевленія никѣмъ больше не владѣло, какъ имъ. Но каково было направленіе этого пламенно одушевленнаго чувства? Всѣми признано, что Августинъ былъ пріемникъ пламеннаго практическаго духа Тертуліана и принадлежалъ къ тѣмъ апологетамъ, которые, ревнуя о величій славы Божіей, полагали, что чѣмъ больше будутъ сѣужены и подавлены человѣческая мысль и дѣятельность, чѣмъ охотнѣе отданы будутъ онѣ въ распоряженіе безусловной благодати и власти Божіей, тѣмъ болѣе будетъ утверждена слава Божія. Онъ не умѣлъ жить въ половину, беречься увлеченій, но весь отдавался жизни и чувству, и какъ въ первый періодъ жизни (до обращенія) страстно любилъ міръ съ его удовольствіями, такъ во всю послѣдующую жизнь горячо возлюбилъ Бога. Изъ этого-то пламеннаго чувства, при стольже пламенномъ воображеніи, и проситекаетъ крайность возрѣній на благодать и предопредѣленіе: міру и себѣ самому, жившему по духу міра, онъ усвоетъ одно зло, зло неисправимое и непреодолимое собственными силами его, а Богу и предопредѣляющей ко спасенію благодати приписываетъ все доброе въ его жизни и, чтобъ еще болѣе возвеличить безгранично любимую и прославляемую имъ благодать, онъ приписываетъ ей это добро въ такой мѣрѣ, что она совершаетъ будто въ насъ это добро безъ насъ самихъ, невольно непреодолимо влечетъ насъ къ добру. Единственно по побужденіямъ безпредѣльно благодарнаго предъ нею чувства, онъ, какъ мы видѣли въ его жизнеописаніи, видитъ непосредственное и преизобильное дѣйствіе благодати въ такихъ дѣйствіяхъ и приключеніяхъ жизни, какія совершались по естественнымъ силамъ и законамъ, находитъ чудеса тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ на самомъ дѣлѣ, признаетъ дѣломъ чудодѣйствующей благодати такое воздержаніе отъ грѣха и совершеніе такихъ добрыхъ дѣлъ, которыя, очевидно, были слѣдствіемъ собственныхъ его усилій, хотя и совершались безъ содѣйствія благодати. Словомъ, чтобъ воздать больше хвалы Богу, нашъ пламенный ревнитель ея признаетъ себя отчаяннымъ грѣшникомъ, совершенно жертвымъ и неспособ-

нымъ къ добру, и преклоняется предъ непреодолимымъ влеченіемъ предопредѣлившей его ко спасенію благодати.

Такъ ревниво охранять величіе славы Божіей и проповѣдывать непреодолимость спасающаго предопредѣленія онъ чувствовалъ себя тѣмъ болѣе возбужденнымъ и обязаннымъ, что онъ отвсюду, отъ всѣхъ еретиковъ, съ которыми велъ упорную борьбу, видѣлъ прямыя или косвенныя посягательства къ умаленію и оскорбленію величія славы и благодати Божіей. Пелагіане изъ гордаго довѣрія къ свободной волѣ человѣка игнорировали, уничтожали значеніе благодати. Манихеи съ своимъ ученіемъ о томъ, что въ человѣкѣ грѣшитъ другая природа, или злое начало, которую доброе начало, или Божество побѣдитъ не въ силахъ и само какъ бы остается побѣжденнымъ ею, были самыми дерзкими противниками славы Божіей и могущества благодати. Донатисты, считая падшихъ мертвыми и навсегда потерянными для спасенія, явно или скрыто изрыгали хулы на благодать, признавая ее безсильною къ возстановленію падшихъ. Злые эти покушенія на умаленіе величія славы и благодати Божіей слишкомъ взволновали пламенную ревность Августина по Богѣ и благодати: въ тѣхъ сочиненіяхъ о благодати (написанныхъ отъ 387 по 395 г.), въ которыхъ онъ не вступаетъ въ открытую полемику со врагами благодати, онъ уже является подвижникомъ за великое дѣло, стоитъ уже въ воодушевленіи борьбы, во всеоружіи поборника за правое, попираемое врагами, дѣло. Любовь и ненависть, любовь къ унижаемой врагами славіи и благодати Божіей, негодованіе за злоумышленія кипятъ и волнуются безпрерывно. Его діалектика — чисто воинское оружіе; его языкъ отрывистый, энергичный есть выраженіе глубокаго душевнаго движенія, его краснорѣчіе — самое пламенное и страстное. И, хотя эта страстность есть горячая, полная энтузіазма и безграничная любовь къ святому дѣлу, но, какъ страстность, она не могла не привести его къ увлеченіямъ и крайностямъ въ возврѣніяхъ на дѣло: и безъ того пламенная ревность его къ возвышенію поруганной славы и благодати Божіей теперь воспылала до того, что, для возвеличенія ея, онъ все отдаетъ благодати и ничего человѣку; въ порывѣ энтузіазма онъ спѣшитъ провозгласить, что такъ дерзко по-

мираемая и оскорбляемая благодать такъ, напротивъ, сильна и всемогуща, что она спасаетъ всѣхъ, кого находить нужнымъ, безъ всякаго ихъ соучастія.

II.

Вотъ до какихъ общихъ и существенныхъ пунктовъ своей системы могъ дойти Августинъ путемъ жизненнаго своего опыта, руководясь личнымъ своимъ чувствомъ и указанными особенностями характера. Что собственный опытъ ничего больше не подсказалъ ему въ данномъ случаѣ, это видно изъ его отвѣта къ Симплиціану, написаннаго въ 397 году за 10 лѣтъ до пелагианскихъ споровъ, почти одновременно съ „Исповѣдію“, и раскрывающаго тѣ же общія мысли о предопредѣленіи, какія нашли мы и въ Исповѣди *). Такимъ образомъ на почвѣ собственной жизни Августина возрасло лишь зерно, корень разсматриваемаго ученія, а разраслось, развѣтвилось оно, развило въ всѣхъ частностяхъ и подробностяхъ на почвѣ полемической его дѣятельности. Но, къ сожалѣнію, не совсѣмъ правильное въ основѣ своей, зерно и корнѣ, оно по мѣрѣ развитія своего болѣе и болѣе кривилось и извращалось; причиною этому были неумѣренный жаръ и бурное увлеченіе, столь неизбѣжныя для такой страстной личности и въ такой упорной борьбѣ *). Предварительно

*) Въ отвѣтѣ этомъ Августинъ жалуется на омертвѣлость къ добру человеческой природы и примѣрами чудеснаго призванія ѿ вѣрѣ Сусеона Богопріимца, Набанаила, Петра, учениковъ, присутствовавшихъ на бракѣ въ Канѣ Галилейской и многихъ другихъ—доказываетъ, что вѣру производить въ людяхъ одна всеспильная благодать. „Въ избранныхъ, продолжаетъ Августинъ, она дѣйствуетъ непреодолимо, хотя и соотвѣтственно ихъ разумному существу, такъ что они не могутъ не повиноваться ей. Прочихъ-же она предоставляетъ заслуженному развращенію“. (Сдѣланный Биндеманномъ обзоръ *Divergarum quaestionum ad Symplicianum. Theil. II, s. 419—421*).

*) Не находя причинъ довѣрять нѣкоторымъ историкамъ, будто ученіе Августина о предопредѣленіи обязано своимъ происхожденіемъ и направленіемъ исключительно его полемикѣ съ пелагианствомъ, мы должны, однакожь, допустить, что въ свою очередь и ученіе Августина подало поводъ его противнику ко многимъ крайностямъ и преувелченіямъ: они

уясненію всѣхъ этихъ преувеличеній и крайностей во взглядахъ Августина, попытаемся раскрыть, какимъ образомъ указанная полемика содѣйствовала раскрытію прежде сложившихся въ немъ самостоятельныхъ убѣжденій и развитію нѣкоторыхъ новыхъ сторонъ ученія.

1) Разсмотримъ, какъ, пріэтой полемикѣ, обосновался и раскрылся первый основной пунктъ ученія о предопредѣленіи, — именно тотъ, что первородный грѣхъ истребилъ въ чело-вѣческой природѣ всякую способность не только къ добродѣлю, но и ихъ добродушному пожеланію, такъ что самой всемогущей благодати Божіей остается нѣкоторыхъ избранныхъ безусловно, непреодолимо влеци ко спасенію, предоставляя остальныхъ ихъ собственной участи. Поводъ и побужденіе къ провозглашенію крайняго этого мнѣнія подалъ британскій монахъ, бывшій другъ его, Пелагій. Человѣкъ съ поверхностнымъ взглядомъ на вещи, недалеко ушедшій въ самопознаніи, аскетъ безъ борьбы со внѣшними бурями и препятствіями, безъ сильныхъ страстей, безъ дальнихъ подвижническихъ идеаловъ и къ тому же, по самому національному и личному характеру своему, надменный и самонадѣянный, Пелагій не вѣрилъ во власть грѣха надъ человѣкомъ, не замѣчалъ никакихъ слѣдовъ разстройства въ чело-вѣческой природѣ. Отсюда, слишкомъ легко и снисходительно относясь ко грѣху, признавая его не за что либо существенное, субстанціональное, а за простое понятіе, которое на самомъ дѣлѣ не существуетъ, а остается лишь въ памяти и лишаетъ чело-вѣка сознанія правды, Пелагій утверждалъ, что первородный грѣхъ не могъ даже произвести никакой перемѣны и ослабленія въ чело-вѣческой природѣ. „Да и что за важность этотъ первородный грѣхъ, спрашиваетъ Пелагій Августина? Вкушеніе отъ запрещеннаго плода развѣ бблшій грѣхъ, чѣмъ умершвление невиннаго и св. Авеля, совершенное съ братоубійственною ненавистію, или грѣхъ Содомлянъ противъ правъ гостепріимства и законовъ естества, или принесеніе въ жертву діаволу невинныхъ дѣвъ и отроковъ, вопреки страшнымъ

другъ друга возбуждали, волповали и увлекали въ безвыходное положеніе; но тотъ и другой въ основныхъ разнородныхъ принципахъ своихъ ученій твердо опирались на свою собственную жизнь.

запрещеніямъ закона, или твой грѣхъ и грѣхъ твоего Манеса? Весь вредъ Адамова грѣха состоялъ въ томъ, что онъ подалъ собою недобрый примѣръ для подражанія потомкамъ; но нѣтъ зла безъ добра: можетъ быть грѣхъ Адамовъ нарочито допущенъ Провидѣніемъ, чтобы предохранить челоуѣка отъ высокоумія и самолюбія⁴. Выпорываеъ священнаго негодованія и оскорбленнаго нравственнаго чувства Августина на это отвѣчаетъ Пелагію: „ты забываешь, что всѣ эти ужасныя преступленія суть плоды перваго грѣха! Ты не видишь, что величіе его открывается изъ величія наказанія, тяготящаго надъ потомками, по приговору праведнаго Судіи; ты не замѣчаешь, что такъ упорно усиливаясь ослабить значеніе первороднаго грѣха, ты бросаешь Богу дерзкій укоръ въ крайней несправедливости наказанія! И что можетъ быть безразсуднѣе мысли, что грѣхъ Адамовъ предохраняетъ челоуѣка отъ высокоумія! Онъ то и произошелъ изъ побужденій и цѣлей высокоумія, и ни одинъ грѣхъ не бываетъ безъ высокоумія, а потому высокоуміе не можетъ изгоняться высокоуміемъ. Пробудись, братъ, отъ своего сна и мечтательности, опомнись въ своей наглости и кощунствѣ. Если Адамъ подалъ только первый примѣръ грѣха, — и то, собственно говоря, не первый, — дѣволъ напередъ согрѣшилъ, то за чѣмъ же, по прошествіи столь долгаго времени, воплотился и страдалъ за него Сынъ Божій? Если всѣ грѣшники подражаютъ Адаму, — такъ какъ онъ былъ первымъ грѣшникомъ, — то всѣ праведники должны бы подражать Авелю, — такъ какъ онъ былъ первый праведникъ: для чего бы тогда приходиться на землю, страдать и умирать Сыну Божію? Для чего бы тогда и церковь со всѣми ея таинствами и спасительными учрежденіями?“ (Пелагій у Маріа Меркатора *Commonitor super nomine Coelestii*, с. 2; *sermo Augustini* 294). Приведенной выдержки изъ энергической полемики Августина достаточно, чтобы видѣть, до какой степени богохульнымъ и антихристіанскимъ представлялось ему ученіе противника. А потому неудивительно, что по побужденіямъ своего благочестиваго чувства, такъ пламенно ревновавшаго о славѣ Бога и церкви, и въ пылу опроверженія разукрашенной апологіи грѣха Адамова,

онъ могъ значительно преувеличить значеніе и послѣдствія послѣдняго. Вотъ самое его ученіе: „въ невинномъ состояніи воля человѣка была всецѣло обращена и расположена къ добру, была свободною слугою Бога и имѣла полную свободу оставаться доброю и не знать зла: въ поврежденномъ же состояніи она совершенно предана злу, сдѣлалась невольною рабою грѣха и имѣетъ свободу только грѣшить. До потери свободной воли любить Бога, когда она имѣла полную свободу воздерживаться отъ грѣха, грѣхъ былъ только прихотью, которую легко можно было не позволить себѣ: съ потерю жъ этой свободы, въ наказаніе за грѣхъ, въ человѣкѣ явилась суровая необходимость постоянно имѣть грѣхъ, и эта необходимость продолжится до тѣхъ поръ, пока чрезъ Сына Божія явится добровольная и блаженная необходимость ни разу не грѣшить, и эта способность не грѣшить и это безусловное предопредѣленіе ко спасенію даруется лишь немногимъ избраннымъ“ (*De perfectione justit. homin. 4*). Вотъ ученіе Августина о растлѣннѣйшей человѣческой природѣ прародительскимъ грѣхомъ и вотъ путь, доведшій его до послѣдней крайности и увлеченій.

2) Вытекающее отсюда, какъ слѣдствіе, мнѣніе Августина о совершенной неспособности человѣка ни къ доброму дѣлу, ни къ доброму положенію, и въ свою очередь вытекающее изъ этого слѣдствія мнѣніе о томъ, что всякое добро въ избранныхъ людяхъ совершаетъ безъ ихъ участія всесильная благодать Божія, предоставляя прочимъ естественному ихъ развращенію,—мнѣніе это развито и обосновано тѣмъ же оппозиціоннымъ путемъ, хотя зародышъ его лежалъ въ собственной его жизни.—Надменный своею праведностію, высоко возмнившій о силѣ своей воли, Целгій училъ, а) что свобода человѣческой воли, обязанная своимъ началомъ волѣ Божіей, находится внѣ всякой зависимости отъ нея по своему проявленію, что она въ каждое мгновеніе съ одинаковою легкостію можетъ переходить какъ отъ добра къ злу, такъ и отъ зла къ добру, не выходя изъ своего безразличнаго положенія по отношенію къ нимъ, т. е. зло не пристаетъ, не прилицаетъ къ ней. (*Opus imperfect. 1, 91—96*), б) Ея грѣховные недостатки не могли внести ада въ перво-

начальныя силы, они не болѣе, какъ облако, въ котормъ преломляется свѣтъ, не становясь однакожь мракомъ, внѣшняя лигатура, которая должна быть отдѣлена отъ благороднаго металла души, природныя пятна, естественное слѣдствіе ограниченности нашей природы, а отнюдь не наслѣдственное зло (Epist. ad Demetriadem). Да и откуда могло быть оно у людей? Богъ также творить душу каждаго человѣка какъ онъ сотворилъ душу Адама, и такъ какъ одна плоть получается отъ родителей, то плоть и заслуживаетъ наказанія (за прародительскій грѣхъ), а душа является въ міръ въ томъ же невинномъ состояніи, въ какомъ находился и Адамъ до паденія. Если же человѣкъ съ возрастомъ больше и больше грѣшитъ, если, по свидѣтельству исторіи, и все человѣчество впадало въ большее и большее зло, то для объясненія этихъ грустныхъ явленій достаточно понятій подражанія и привычки, (хотя привычка всего менѣе можетъ имѣть мѣста въ системѣ Пелагія), (Epist. ad Demet. с. 15). При томъ, всѣ эти печальныя явленія зла — одна случайность. в) Съ другой стороны были люди, которые, благодаря развитію силъ своей нравственной природы, до конца прожили въ совершенной безгрѣшности. Къ чему здѣсь благодать, къ чему предопредѣленіе? Отъ насъ, единственно отъ насъ самихъ зависитъ къ блаженству или къ гибели предопредѣлить себя (August. de natura et gratia 42—44).— По слѣдамъ противника Августинъ идетъ неуклонно, но къ сожалѣнію не всегда къ прямой и истинной цѣли. а) Ударъ на первомъ пунктѣ нанесенъ имъ врагу прямо и вѣрно. Вооружаясь противъ мнѣнія Пелагія, что воля человѣка отъ продолжительныхъ опытовъ зла или добра не пріобрѣтаетъ никакого расположенія ни къ тому, ни къ другому, Августинъ справедливо замѣчаетъ: „кто изъ самыхъ обыкновенныхъ явленій, ежедневно повторяющихся въ жизни каждаго изъ насъ, не знаетъ, что извѣстное чувство отъ частаго повторенія становится расположеніемъ духа и, пройдя психологическія ступени наклонности и привычки, превращается въ страсть, и мало по малу человѣкъ поставляется въ нравственную необходимость совершать извѣстный путь и въ невозможность отстать отъ него“. Но дальше спо-

койствіе и умѣренность оставляютъ нашего полемиста. Стараясь какъ можно дальше держаться отъ противника и боясь сойтись съ нимъ въ горделивыхъ взглядахъ, — что было бы оскверненіемъ для его благочестиваго и смиреннаго чувства, — Августинъ такъ же далеко ненамѣренно заходить въ противоположную сторону, какъ далеко сторонился отъ врага. б) Возставая противъ того мнѣнія, будто отъ грѣховъ ничего не терпитъ свободная воля и будто они нисколько ни растлѣваютъ силу души, Августинъ учитъ: „въ человѣкѣ, въ настоящемъ состояніи, есть свобода только для того, чтобъ грѣшить, потому что и грѣху нельзя служить безъ извѣстной свободы; отъ праведности люди бываютъ свободны по собственной свободной волѣ, а свободными отъ грѣха становятся только по благодати Божіей, т. е. люди стали совершенно неспособны не только дѣлать добро, но и желать добра“. (De corruptione et gratia 1, 3). Августинъ, по прекрасному замѣчанію Прессансе, „представляетъ себѣ чело-вѣчество достойнымъ вѣчной смерти, брошеннымъ въ могилу, кладетъ надгробный камень и дѣлаетъ безотрадную надпись: „безъ Бога, безъ надежды“. Оживить, воскресить его можетъ только самъ Создатель. Что касается до пелагианскаго мнѣнія, будто грѣхъ Адамовъ не можетъ быть наслѣдственнымъ, — такъ какъ душу каждаго человѣка творить самъ Богъ не изъ души родителей (non ex traduce), то, противопоставивъ теоріи креацинизма теорію традиціонизма, Августинъ совершенно вѣрно замѣчаетъ: „такъ какъ въ Адамѣ, прежде чѣмъ онъ согрѣшилъ, всѣ мы находились, какъ въ деревѣ или корнѣ, то естественно зараза и порча перешли отъ него ко всѣмъ намъ“. Но поставивъ себѣ задачею давать отпоръ врагу самую рѣзкою противоположно-стью выводовъ, Августинъ опять впадаетъ въ крайность: „какъ изъ одного и того же корня не можетъ произрастать дерево доброе и злое, учить онъ въ книгахъ о благодати и наслѣдственномъ грѣхѣ, — такъ равно добро и зло вырастаютъ изъ совершенно различныхъ корней: изъ злой по природѣ человѣческой воли рождается лишь неисправимое зло, а добро — исключительно отъ Бога¹⁾“. Какъ на доказатель-

¹⁾ Вся погрѣшность здѣсь состояла въ томъ, что въ падшемъ состояніи

ство наслѣдственной порчи и совершеннаго нравственнаго растлѣнія, Августинъ указываетъ на безчисленные бѣдствія и нестроенія въ жизни нашей: „откуда эта непрерывная борьба цѣломудрія противъ похоти плоти, откуда мучительныя разрѣшенія отъ бремени бѣдныхъ нашихъ матерей, со всѣми ихъ стопами, криками и воплями? Что за причина появленія младенца на свѣтъ не съ улыбкою радости, а съ плачемъ и воплемъ? Отчего онъ такъ поздно начинаетъ улыбаться и еще позже, заикаясь и картавя, начинаетъ говорить, учится подъ розгою и со слезами? Прибавьте къ этому безчисленные болѣзни, демоническія нападеныя, возстаніе стихій, угрызеніе звѣрей и отсюда происходящія неисчислимыя мученія и терзанія! А скорбь сиротъ о потерѣ близкихъ сердцу! Было бы невозможно перечислить всѣ страданія, и нестроенія, наполняющія нашу жизнь. Если подобныя бѣды и нестроенія признавать естественнымъ слѣдствіемъ ограниченности нашей природы и не вѣрить, что въ природѣ человѣческой, съ времени прародительскаго грѣха, произошло разстройство, то эти бѣды и нестроенія надо допустить и въ рай. Но если бы кто нарисовалъ такую мрачную картину рая, то никто бы не призналъ его за рай, никто бы въ этой картинѣ не призналъ и ненамѣренной ошибки живописца, но злонамѣренное дѣло насмѣшника и богохульника. Нечего сказать, остроумно заключаетъ Августинъ, хорошъ Пелагианскій рай. Не таковаго ли рая ожидать намъ въ будущей жизни?“ в) Наконецъ, вопреки гордому утвержденію Пелагианъ, будто они собственными силами могутъ достигнуть совершенной безгрѣшности и слѣдовательно отъ нихъ самихъ зависить предопредѣлить себя ко спасенію или погибели, Августинъ, ссылаясь на слова Апостола: я дѣлаю не то, что хочу, вижу инъ законъ въ удѣхъ моихъ..., — говорить, что исключая Пресвятой Дѣвы Маріи (?), ни одинъ

человѣка, все равно какъ въ состояніи падшихъ духовъ, онъ признаетъ совершенную противоположность невинному состоянію: онъ не хочетъ признавать, что въ поврежденномъ состояніи человѣка возможность добра, какъ остатокъ совершенствъ Богоподобной природы, болѣе жива и сильна, чѣмъ сколько жива и сильна была въ невинномъ состояніи возможность зла, потому что зло, не такъ какъ добро, дано намъ не въ природѣ, а съ природою.

праведникъ не бываетъ свободенъ отъ власти надъ нимъ грѣха. Но тутъ изъ враждебнаго лагеря послышалось новое возраженіе, завлекшее его въ жаркую полемику „Хотя моя плоть и возстаётъ на духъ, возражалъ Юліанъ, но я не поблажаю ей, и даже въ мысли не соизволяю ей“. До глубины души возмущившись такою, кичливостію, Августинъ поставляетъ ему на видъ слѣдующее: „наше дѣло неусыпно слѣдить за вожделѣніями плоти, бодро вступать съ ними въ бой, обуздывать, обезсиловать и уничтожать ихъ. Чувствуя себя постоянно угнетенными, подавленными, мы безъ помощи Божіей не только не могли бы одержать побѣды, но и вести борьбы. Мы бы совершенно изнемогли, пали и погибли, еслибъ не помощь и заступничество Того, Кто взываетъ къ намъ: придите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы“. (Sermo 156). Но и тутъ Августинъ встрѣтилъ препирательство. Пелагій увѣрялъ: „я самъ по своей доброй волѣ прихожу къ Тебѣ“. Августинъ, пославъ ему заслуженный упрекъ въ гордости и надменности, опровергаетъ его словами Спасителя: никто не придетъ ко Мнѣ, если не привлечетъ его пославшій меня Отецъ. И вообще чѣмъ болѣе Пелагій изъ гордаго довѣрія къ силамъ человѣка старался возвысить силу воли и отвергнуть нужду въ благодати, тѣмъ болѣе смиреніе и благочестіе Августина старалось унизить, ослабить и уничтожить силу воли и ея способность къ добру, чтобъ тѣмъ болѣе прославить и возвеличить божественную благодать. Глубоко уважая его и благоговѣя предъ его благочестивыми чувствами и святыми намѣреніями, мы должны, однакожъ, замѣтить словами Прессансе, что если когда, то въ настоящемъ случаѣ, „отвѣчая на дерзкое отрицаніе благодати Пелагіемъ, Августинъ не могъ сохранить спокойствіе духа, въ извѣстной мѣрѣ нужнаго для разсуждающаго богослова. Его сердце закипѣло такимъ негодованіемъ противъ гордости человѣческой, что въ преслѣдованіи ея онъ не остановился до тѣхъ поръ, пока не уничтожилъ не только гордости, но и самого человѣка предъ Богомъ и Его безусловною благодатію“.

3) Теперь Августинъ вошелъ въ самое святилище тайнъ предопредѣленія, или, говоря яснѣе, дошелъ до самаго сре-

доточнаго пункта своей системы: изъ совершенной неспособности челоуѣка къ добру, которую такъ счастливо, повидимому, онъ отстоялъ и доказалъ, сама собою вытекала мысль, что лишь безусловная благодать совершаетъ въ избранныхъ безъ нихъ самихъ ихъ спасеніе, предоставляя остальныхъ ихъ естественной гибели. Но чтобъ утвердиться на этомъ центральномъ пунктѣ, нужно было выдержать новыя ожесточенныя нападенія противниковъ. Въ свою очередь эти послѣднія были предуготовлены всею предшествующею ихъ тактикою. Изъ ложнаго ученія ихъ о грѣхѣ и свободѣ воли естественно вытекало ложное ученіе объ искупленіи и благодати, устраняющее всякую мысль о предопрѣленіи. Такъ какъ, по ихъ понятію, грѣхъ естъ явленіе случайное, свобода воли нисколько не потерпѣла отъ него и душа сильна сама уврачевать себя отъ этого недуга, то, для совершеннаго истребленія его, не нужно внутреннихъ радикальныхъ средствъ, божественныхъ сокровенныхъ силъ, даруемыхъ намъ въ искупленіи и возрожденіи, а достаточно внѣшняго сверхъестественнаго откровенія и внѣшней при случаѣ поддержки. Древній законъ, по ихъ ученію, имѣлъ цѣлю дать челоуѣку ясное сознаніе его долга, возвратитъ ему чистоту и невинность посредствомъ указанія на различныя обѣтованія и угрозы, а не возбудитъ чувство грѣховности, сознаніе бессилія къ достиженію добра и тѣмъ приготовить его ко Христу. И отъ самаго Христа они ожидали новаго совершеннѣйшаго, чѣмъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, ученія, новаго совершеннѣйшаго примѣра власти, а самое важное и существенное въ искупленіи, первосвященническое служеніе Иисуса Христа оставляли безъ вниманія. Благодать св. Духа не признавали существенно необходимою въ дѣлѣ спасенія, хотя и допускали; что съ нею легче достигнуть цѣли. Но что же она могла имъ дать? Ничего высшаго той строго нравственной жизни, какой многіе достигали въ Ветхомъ завѣтѣ, руководясь внутреннимъ или внѣшнимъ закономъ. Внутренняго подаенія Божественныхъ силъ, яже къ животу и благочестію, внутренняго сообщенія высшей неземной жизни, глубочайшаго дѣйствія благодати на сознаніе и волю они отнюдь не допускали, боясь въ противномъ случаѣ уничтожить свободу воли и при-

нимая только благодать „учащую, наставляющую и просвѣщающую посредствомъ внѣшняго откровенія“ (Epist. ad Demetriad. с. 3. 6. 7). Правда, они приписывали благодати даръ прощенія грѣховъ и раздаваніе наградъ на небѣ, но эти дары признавали не незаслуженными человѣкомъ. „Дѣти, по ученію Пелагіанъ, оправдываются потому, что они невинны, и благодати принадлежитъ только признаніе ихъ невинности. Взрослые грѣшныя люди оправдываются потому, что сами начали свое исправленіе, сами обратились къ строго-нравственной жизни, сами увѣровали во Христа. Благодать, вознаграждая ихъ за это, только забываетъ ихъ прошедшія грѣхи, но не даетъ имъ силы избѣгать ихъ въ будущемъ. Какую власть имѣютъ надо мною благодать и предопредѣленіе, заключаетъ Юліанъ? Къ чему хочу, къ тому я самъ себя и опредѣляю, а благодатное предопредѣленіе здѣсь не причемъ“ (August. de gratia Christ 31 et Epist. ad Demetr.)

Всѣ эти нападки и возраженія нашъ полемистъ отражаетъ и на мѣстѣ побѣды воздвигаетъ новое зданіе (ученіе), ни мало не схожее съ низвергнутымъ, но къ сожалѣнію шаткое, преувеличенное. Пелагій надменно утверждалъ: „я по своей волѣ палъ, по своей и возстану, я и самъ естественною силою спасусь“: Августинъ смиренно отвѣчалъ: „бѣдная человѣческая природа! По своей волѣ ты нанесла себѣ раны, болѣзни и смерть: своею собственною силою развѣ ты можешь излечить раны, уврачевать болѣзни и возстать изъ мертвыхъ? Не устояла ты (смертельно пала) въ невинномъ состояніи: возстанешь ли сама въ поврежденномъ состояніи? Тебѣ для этого нужна всеоживляющая сила божественнаго Врача“. Пелагій утверждаетъ: „Богъ все можетъ уврачевать, спасти; если чрезъ грѣхъ свободная воля ослабла, изнемогла, то во власти Бога—снова возстановить свободу воли и дать ей силы спасать себя и при своей немощи, потому что сила Его въ немощи совершается“. „Дѣйствительно, опровергаетъ Августинъ, сила Божія имѣетъ все врачевать, спасать, но Богъ дѣйствуетъ не по тому правилу, какое захотѣлъ бы предписать Ему подвластный и немощной; Его воля въ этомъ случаѣ состоитъ въ томъ, что „нѣтъ инаго имени, о немъ же подобаетъ спастися, кромѣ имени Господа Иисуса Христа.“ Если

въ Вѣтхѣхъ Завѣтѣхъ и были праведники до потопа ли, во времена ли закона, въ средѣ ли народа Божія, или внѣ его, то они спасались вѣрою въ Единаго Великаго Посредника между Богомъ и человѣкомъ; въ нихъ изливалась эта вѣра чрезъ Святаго Духа, который дышетъ, гдѣ хочетъ, и дается не по заслугамъ, не за вѣру, но производить заслуги и вѣру: благодать свѣтила имъ и спасала ихъ чрезъ законъ внутренній и внѣшній. И если бы, скажу словами Апостола, чрезъ законъ достигалось оправданіе, то Христось напрасно умеръ, и если, прибавлю къ этимъ словамъ, чрезъ естественныя силы достигалось бы оправданіе, то Христось напрасно умеръ (*Das Wert von der Natur und von der Gnade* 478; *die Bücher von der Gnade Christi und von der Erbsünde*, s. 514 von Bindemann.). Но какъ во Христѣ человеческая природа воспринята въ личное единство съ Божествомъ и Христось родился безгрѣшнымъ не за какіе либо подвиги ея и предшествовавшія заслуги, но по дару преизобильной благодати: такъ и человѣкъ возраждается и спасается единственно по дару благодати и отъ того же Святаго Духа, отъ Котораго и Христось родился безгрѣшнымъ. Что касается до требуемой отъ насъ при крещеніи вѣры, то Тотъ, Кто сдѣлалъ Христа достойнымъ того, чтобъ мы вѣровали въ Него, чудесно производить въ насъ вѣру въ Него; Богъ, Который содѣлалъ Христа Начальникомъ и Совершителемъ нашего спасенія, производить въ насъ начало и совершеніе вѣры въ Иисуса: въ этомъ именно и состоитъ тайна предопредѣленія, чтобы Онъ былъ таинственною главою, а мы таинственными членами Его. Далѣе, безъ любви не бываетъ ничего добраго; но любовь отъ Бога. За чѣмъ же, спросять, заповѣдуются намъ любить другъ друга, когда любовь отъ Бога? Лишь затѣмъ, чтобъ напомнить свободной волѣ, что она этого дара должна искать въ Богѣ, и это напоминаніе было бы совершенно излишне для нея, еслибъ она сама въ себѣ и прежде имѣла любовь. Между тѣмъ ослѣпленные и ожесточенные противники благодати утверждаютъ, что знаніе дается намъ отъ Бога, а любовь исключительно отъ насъ. Они не понимаютъ словъ Апостола: знаніе кичить, а любовь созидаетъ. Что жъ можетъ быть безразсуднѣе мысли, что

кичливое знаніе—отъ Бога, а созидающая любовь—отъ насъ самихъ? Любовь, или, по Апостолу, вѣра, споспѣшествуемая любовью и добрыми дѣлами, отличаетъ вѣрующихъ въ Бога отъ духовъ злобы, которые также вѣруютъ, но не имѣютъ дѣятельной любви. Но бѣсы не имѣютъ истинной любви и вѣры потому, что они навсегда оставлены благодатию: и люди также не имѣли бы истинной любви, еслибъ не подавала ея Божественная благодать. И такъ вѣра, любовь и вся богоугодная жизнь, какъ по началу и происхожденію своему, такъ и въ дальнѣйшемъ развитіи и усовершенствованіи, находятся въ исключительной зависимости отъ Бога. И—есть ли хоть тѣнь правды во мнѣніи болѣе уступчивыхъ противниковъ, что начало спасенія, или вѣра принадлежитъ исключительно человѣку, а прочее въ дѣлѣ спасенія Богу и благодати? Или чѣмъ лучше мнѣніе, что начало вѣры зависитъ отъ насъ, а ея усовершеніе отъ благодати? Такъ какъ вѣра есть главный оплотъ, на которомъ зиждется домостроительство спасенія, то въ приведенныхъ мнѣніяхъ, особенно въ первомъ высказывается высокомерное притязаніе захватить себѣ первое мѣсто въ дѣлѣ спасенія, а Богу отвести второе. При томъ, въ томъ и другомъ мнѣніи благодать поставляется въ зависимость отъ заслугъ человѣка и слѣдовательно упраздняется благодать въ истинномъ ея смыслѣ, и наконецъ тутъ дѣлается какъ будто спорный договоръ съ Богомъ, одну, важнѣйшую часть спасенія оставляющій за человѣкомъ, а другую, второстепенную предоставляющій Богу. Нѣтъ, всякій, говоритъ Истина, кто слушаетъ Отца и научается отъ Него, приходитъ ко Мнѣ, а кого учитъ и наставляетъ Отецъ (и конечно чрезъ Сына, какъ вѣчное Слово свое, и чрезъ Духа вѣры и благодати), у того Онъ отнимаетъ каменное сердце и даетъ плотяное, и—всегда безъ всякихъ съ его стороны заслугъ, безъ его предварительнаго вѣдома и даже желанія: тутъ на новыхъ плотскихъ скрижаляхъ сердца благодать пишетъ то, что предназначиваетъ безусловное предопредѣленіе, исполняетъ то, что Оно предъуготовляетъ“ (по Биндеману D. Christ. von der Prädestination der Heiligen, s. 605—607). Чтобы еще лучше показать полную страдательность человѣка въ дѣлѣ спасенія отъ начала до конца, Авгу-

стинъ приводитъ слѣдующее подобіе: „въ дѣтахъ, при принятіи благодати, не только нѣтъ никакого дѣйствія воли, на которое можно было бы смотрѣть, какъ на заслугу. но они еще плачутъ и противятся, когда ихъ крестятъ и когда преподаютъ имъ Божественныя таинства: въ такомъ же страдательномъ положеніи находятся и вообще всѣ люди. когда благодать совершаетъ спасеніе въ нихъ и за нихъ. Но откуда же, спросятъ, находится различіе между людьми, отчего одни спасаются, а другіе погибаютъ? Мы поймемъ это, если приподнимемъ покровъ вѣчности и усмотримъ безконечное предопредѣленіе, которымъ отъ вѣка утверждено число избранныхъ, предназначенныхъ занять мѣсто отпадшихъ Ангеловъ. И какъ многіе дѣти умираютъ безъ крещенія, безъ благодати, хотя въ нихъ не было никакого дѣйствія воли, которое бы препятствовало принятію благодати: такъ и многіе изъ взрослыхъ не получаютъ благодати не потому, что они оттолкнули ее собственною волею, а потому, что благодать Божія предопредѣлена далеко не всѣмъ, и, если Богъ хочетъ всѣмъ человѣкомъ спастись, то только всѣмъ тѣмъ, которыхъ Онъ предопредѣлилъ ко спасенію. И это по праведному суду Божію: въ однихъ Онъ открываетъ величіе Всемилосердаго Отца, а въ другихъ величіе Праведнаго Судіи, однимъ Онъ прощаетъ прародительскій долгъ, а съ другихъ истязуетъ“.

Вотъ какъ далеко зашелъ Августинъ въ своемъ противодѣйствіи Пелагіанству. Дальше онъ не могъ идти, потому что въ человѣкѣ не оставалось ничего, чего бы онъ не отнялъ у него. Нѣтъ нужды распространяться о томъ, что увлекло его такъ далеко, какъ возмущено было смиренное и благочестивое его чувство новымъ высокоуміемъ, съ какимъ враги приписывали человѣку силу самовозсозданія, считали благодать ненеобходимою и въ лучшемъ случаѣ не лишнею для спасенія, не признавали искупительныхъ заслугъ во Христѣ, всемогущества и благости благодати, (которая у нихъ лишь признаетъ невинность человѣка, отдаетъ ему то, что онъ заслужить, возьметъ у нея собственными усиліями), унижали Христіанскихъ святыхъ (они намѣренно Ветхозавѣтныхъ праведниковъ ровняли и даже

предпочитали христіанскимъ подвижникамъ) .. у нихъ, что ни слово, то намѣренная или ненамѣренная укоризна на Бога, что ни мысль, то явный или тайный подрывъ подъ все домо-строительство нашего спасенія. А тѣсная связь ихъ ученія съ языческою моралью, связь, которой они можетъ быть и не подозрѣвали, но которая паразитально очевидна? Цицеронъ говоритъ: „кто благодаритъ боговъ за то, что онъ добродѣтеленъ? Благодарятъ Юпитера за богатство, почести, здоровье, но не за то, что мы справедливы, мудры и воздержны“. Совершенно также учить и Пелагій: „Богъ меня сдѣлалъ человѣкомъ, а я самъ себя праведнымъ: если хочу, буду праведенъ; не хочу, не буду таковъ“. И отчего всѣ эти заблужденія, киченія и хулы? Оттого, что слишкомъ много приписывается—человѣку, его естественнымъ силамъ и заслугамъ. Чтобъ отстоять нагло попираемая врагами права благодати и церкви, чтобъ охранить столь жестоко оскорбляемую славу и величіе Бога, нашему страстному ревнителю славы и благодати Божіей открылось новое неизбѣжное побужденіе совершенно уничтожить человѣка съ его заслугами и участіемъ въ дѣлѣ спасенія и все въ великомъ этомъ дѣлѣ предоста-вить благодати и славѣ Божіей, или, что то же, проповѣ-дывать безусловное предопредѣленіе. Онъ самъ прекрасно объясняетъ свои побужденія, приведшія его къ несовѣмъ истиннымъ цѣлямъ. „Спаситель, говоритъ онъ въ одной про-повѣди (Sermo 30), прежде всего научаетъ насъ смиренію: научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь... Онъ говоритъ: Я не учу васъ тому, что вы можете стяжать равныя Мнѣ Бо-жественныя права и совершенства, а чтобъ вы никогда не имѣли въ себѣ чего нибудь похожаго на ту дерзкую мысль, что вы равны Богу. Я учу васъ смиренію, самоуничженію, самоуничтоженію: съ такимъ только смиреніемъ вы найдете покой душамъ вашимъ 1)“. Но тѣ, которые думаютъ, прибав-

1) Любопытна приводимая здѣсь Августиномъ аналогія. Если вода льетъ на мѣста высокія, утесистыя, то она брызжетъ въ сторону, не напояя ихъ; если же она изливается на мѣста низкія, углубленныя, то вся стекаетъ и стоитъ въ нихъ: гордецы, думающіе спастись безъ помощи благодати (камень брошенъ на Пелаганъ), суть тѣ крутые утесы, которые, сколько бы ни изливались на нихъ животворныя струи благодати, всегда остаются су-

ляетъ Августинъ, что они сами собою могутъ спастись, тѣ мнятъ себя быть столь же сильными, какъ и самъ Богъ, тѣ даже думаютъ, по наущенію діавола, яко бози суть, ужасная мысль, демонское желаніе! И мы, если собственнымъ усиліямъ будемъ приписывать хоть частицы добра, то хоть отчасти не чужды будемъ ужасной этой мысли и демонскаго желанія. Нѣтъ, чтобъ не имѣть въ себѣ ничего демоническаго, но ближе быть къ указанному намъ Спасителемъ образцу смиренія и обѣщанной за послѣдованіе ему благодати, надобно все, что есть въ насъ добраго, приписать Тому, отъ Кого оно исходитъ,—Ему все, а намъ ничего. Да царить надъ нами Его безграничное предопредѣленіе, да ведетъ Онъ насъ куда и какъ хочетъ!

Всего болѣе ужасало и волновало святую ревность Августина и затѣмъ способствовало печальнымъ увлеченіямъ его въ ученіи о предопредѣленіи—то обстоятельство, что, по системѣ противниковъ его, явленіе на землю Сына Божія не только не признавалось настоятельно нужнымъ, но прямо или не прямо пролагался путь къ отрицанію чудснаго характера въ дѣлѣ искупленія, а въ самомъ Искупителѣ—Божественнаго достоинства. Въ самомъ дѣлѣ, для чего бы, съ точки зрѣнія Пелагіанъ, приходитъ на землю Сыну Божію? Чтобъ возвѣститъ новое совершеннѣйшее ученіе. Но это дѣло можно поручить и простому смертному, облекши его полномочіемъ пророка, хотя бы и большимъ самого Моисея. Затѣмъ, чтобъ указать въ своей жизни высочайшій образецъ самоотверженія? Но къ чему этотъ образецъ, когда онъ выше силъ человѣка, а божественныхъ силъ не дается ему! Не лучше ли было бы указать въ простомъ человѣкѣ этотъ примѣръ совершенной безгрѣшности, тѣмъ болѣе что съ Пелагіанской точки этотъ примѣръ возможенъ. Не говоримъ уже о томъ, что необходимость смерти Богочеловѣка, какъ невинной и святѣйшей искупительной жертвы, открыто отвергалась ими. Всѣ эти затаскиныя и можетъ быть ненамѣренныя идеи, подрывавшія

хими, безъ влаги, безъ жизни, а смиряющіе себя до всецѣлаго самоуничтоженія предъ Богомъ суть тѣ низменныя плодородныя долины, которыя преизобильно напояются живою водою, изливающеюся на нихъ съ высоты небесъ. (Sermo 30).

самыя основы домостроительства нашего спасенія, очень ясно видѣлъ глубоко проникательный умъ Августина, видѣлъ гораздо яснѣе, чѣмъ сами измыслившіе ихъ, видѣлъ и то, что они можетъ быть и не подозрѣвали, именно, что другіе, ухватившись за ихъ начала и болѣе послѣдовательно развивъ ихъ, дойдутъ до того, что признаютъ въ Иисусѣ Христѣ простаго человѣка и въ его чудесномъ дѣлѣ искупленія — лишь человѣческое дѣло, какъ то впослѣдствіи и сдѣлали Сочиніане и раціоналисты. А потому не удивительно, что въ страхѣ предъ столь ужасающими выводами своихъ противниковъ онъ спѣшилъ уйти какъ можно дальше отъ нихъ, противопоставляя имъ въ отпоръ самыя рѣзкія противоположныя заключенія, говоря съ ними издали и самымъ непримиримымъ тономъ: чѣмъ болѣе они подкапывались подъ чудесное дѣло искупленія, чѣмъ наглѣе отвергали всемогущую власть Искупителя и ниспосланнаго Имъ Духа благодати, какъ по отношенію ко спасенію всего человѣчества, такъ и каждаго порознь, тѣмъ болѣе онъ старался возвысить и возвеличить эту Божественную власть и силу, пока наконецъ не отдалъ Ей всего въ дѣлѣ нашего спасенія, не оставивъ человѣку ничего, и ни преклонился предъ Безусловнымъ Предопредѣленіемъ.

Въ заключеніе разбора скрывавшихся въ разсмотрѣнной полемикѣ причинъ, которыя вызывали невольныя крайности и преувеличенія въ раскрышемся при помощи ея ученія, не излишне указать на внѣшнюю исторію этой полемики. Вся исторія 20-ти лѣтней этой борьбы, начиная отъ перваго осужденія ереси на Карфагенскомъ соборѣ 412 г. до окончательнаго низложенія ея на 3-мъ Вселенскомъ соборѣ 431 г., есть непрерывный рядъ искательства, коварства, обмана, насиія, грубости, злобы и ожесточенія со стороны еретиковъ. Нужно было быть не человѣкомъ, чтобы, выдержавъ столь недостойную борьбу, не выйти изъ предѣловъ спокойствія и, заходя такъ далеко въ преслѣдованіи врага, въ пылу увлеченія не нанести вреда интересамъ собственнаго ученія. Вспомнимъ коварныя увертки Целаганской партіи отъ соборнаго осужденія въ Иерусалимѣ, гдѣ она, послѣ своего посрамленія въ Карфагенѣ, искала себѣ убѣжища и гдѣ ее

преслѣдовали Орозій и Геронимъ Блаженный. Припомнимъ: заочное оскорбленіе свящ. личности Августина, нанесенное ему на соборѣ Пелагіемъ и покровителемъ послѣдняго Іоанномъ, епископомъ Іерусалимскимъ, предсѣдателемъ собора, — далѣе, низкое заискиванье оправданія посредствомъ обнаруживанія частнаго письма Августина къ Пелагію и хитраго подбора отрывковъ изъ обвинительной на послѣдняго записки Галльскихъ епископовъ Героса и Лазаря, — безчестное выпрашиванье защиты посредствомъ двусмысленнаго оправданія отъ всѣхъ положеній обвиненія, оправданія, которое подъ православными выраженіями скрывало неправославныя понятія и которому помогло искусство адвоката неправды и близорукость апологетовъ истины, и наконецъ купленное цѣною отреченія отъ многихъ крайнихъ мнѣній Целестія признаніе Пелагія членомъ истинной вселенской церкви... Кто бы на мѣстѣ Августина не потерялъ спокойствія, не увлекся бы и не впалъ въ крайности? Но длинная, возмущавшая св. ревность его процедура Пелагіанскихъ споровъ далеко еще не окончилась. Каково было видѣть ему, что Пелагій и Целестій, осужденные на соборахъ Карфагенскомъ (въ 416 г., изъ 68 епископовъ подъ предсѣдательствомъ Аврелія) и Милевидскомъ (въ томъ же 416 г. изъ 59 епископовъ подъ предсѣдательствомъ Сильвана), и наконецъ строго обличенные папою Иннокентіемъ (въ трехъ посланіяхъ отъ 417 года), своими двусмысленными полными недоговоркомъ и прикровенностей вѣроисповѣданіями, подробнымъ раскрытіемъ православныхъ взглядовъ о предметахъ совершенно безспорныхъ и неопредѣленнымъ неяснымъ изложеніемъ предметовъ спорныхъ, не только успѣли оправдаться предъ папою Зосимою, (человѣкомъ безъ основательнаго богословскаго образованія), но и внушили ему подозрѣніе на соучастіе Августина и сѣверо-африканскихъ епископовъ частию въ Манихейскомъ ученіи (по поводу ученія ихъ, что непрічастныя благодати не могутъ избѣгать грѣха), частию въ Іовиніанскомъ (по поводу будто ученія ихъ, что предопредѣленные не могутъ грѣшнить по самой природѣ ихъ), и чрезъ то побудили папу послать обличительное посланіе всѣмъ сѣверо-африканскихъ епископамъ „за то, что всѣ

эти хитрые и бесполезные вопросы, которые не созидаютъ, а разрушаютъ, проистекаютъ отъ того, что они (епископы) злоупотребляютъ дарованіями и краснорѣчіемъ, желая знать болѣе того, что заключается въ Писаніи“. Упрекъ этотъ былъ такъ оскорбителенъ, что нужно было созывать два новые собора въ Карфагенѣ (оба въ 418 г., 1-й изъ 214 епископовъ, 2-й изъ 200). Отлученные на послѣднемъ соборѣ отъ Церкви, а гражданскою властію лишенные гражданскихъ правъ, Пелагіане и послѣ этого не переставали волноваться и волновать нашего борца. Ихъ епископы въ Италіи и Сѣверной Африкѣ снова требовали собора (*plena-gia synodus*), считая для себя необязательнымъ распоряженіе необразованныхъ (*simplices*), какъ они выразились, южныхъ епископовъ. Всѣхъ несноснѣе былъ Юліанъ, епископъ Екланскій въ Апуліи, человекъ сколько даровитый, ученый и строгій по жизни, столько же гордый, грубый, способный хоть кого вывести изъ терпѣнія и вызвать на печальныя увлеченія въ жару спора. Онъ обзывалъ—гораздо болѣе даровитаго противника своего—Блаженнаго Августина словами *amentissimus et bardissimus*, защитникомъ ученія черни (*dogma populare*), а себя ученѣйшимъ Пелагіаниномъ, имѣющимъ на своей сторонѣ: разумъ, ученость, силу и свободу. И дѣйствительно, онъ нашелъ себѣ пособника и сторонника въ могущественномъ патриархѣ Константинопольскомъ Несторіи. Правда, это покровительство послужило новымъ клеймомъ и, такъ сказать, сигналомъ къ смертному приговору для Пелагіанства, разумѣемъ совмѣстное осужденіе его съ Несторіанствомъ на 3-мъ вселенскомъ еоборѣ,—но Блаженный не дожился до радостнаго этого торжества. Краткаго очерка безконечной этой борьбы достаточно, чтобъ судить, какъ много выстрадала св. душа его отъ всѣхъ козней злобы и лукавства, какъ глубоко возмущали онѣ св. и пламенную ревность къ истинѣ, съ такимъ эктузіазмомъ одушевлявшую его. Присоединимъ сюда страстную сосредоточенность его характера, которая во всякій періодъ его жизни обращала всѣ силы его духа на одинъ предметъ, на одну дѣятельность, которая доставляла неутомимую безпощадность его надежій и при которой уступка противнику была для него не-

понятна. Благодаря этой страстности, онъ, во множествѣ другихъ случаевъ, провозглашалъ принципы безусловно противоположные тѣмъ, которые онъ оспаривалъ, жертвуя для этого иногда самыми дорогими истинами. Такъ, когда онъ со всею страстностію полемиста вооружается противъ Манихейскаго дуализма раскрытіемъ догмата единобожія, различіе вѣстасей у него закрывается ученіемъ о Единомъ Богѣ, проявляющемся только въ трехъ различныхъ отношеніяхъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ данномъ случаѣ, преслѣдуя противниковъ шагъ за шагомъ, истребляя въ конецъ все, что только находить у нихъ, онъ выставляетъ совершенно новое знамя, провозглашаетъ, не безъ вреда для истины, совершенно противоположные принципы.

Они самага человѣка признають творцемъ своего спасенія и блаженства, все приписываютъ ему и ничего Богу: онъ отказываетъ человѣку во всякомъ участіи въ совершеніи его спасенія, все предоставляетъ Богу и ничего человѣку. Они не хотятъ знать надъ собою никакого предопредѣленія: онъ преклоняется предъ Безусловнымъ Предопредѣленіемъ.

4) Мы видѣли, какъ вслѣдствіе полемики съ Пелагианствомъ ученіе Августина о предопредѣленіи развилось въ своихъ частностяхъ и подробностяхъ, которыя мы приняли называть системою; мы старались проникнуть и въ причины вкравшихся въ него крайностей и преувеличеній. Теперь намъ остается разсмотрѣть нѣсколько вопросовъ, безъ которыхъ разсмотрѣнная система была бы не полна и не закончена. Вопросы эти были подняты послѣ уже обнародованія системы, въ разное время, разными лицами: друзьями и недругами его, Адруметскими и Галльскими монахами Полупелагианами и отчасти Пелагианами. Рѣшеніе этихъ вопросовъ, хотя строго соотвѣтствовало общимъ началамъ и плану ученія, не представляло никакой системы. Какъ вопросы, такъ и отвѣты на нихъ приходится отыскивать въ разныхъ его сочиненіяхъ, а потому привести ихъ въ порядокъ не менѣе трудно, чѣмъ собрать существенныя части самой системы, для которыхъ нужно было рыться во многочисленныхъ его сочиненіяхъ (для насъ въ конспективныхъ очеркахъ ихъ,

сдѣланныхъ Биндеманномъ). Вопросы эти можно подраздѣлить главнымъ образомъ, А., на догматическіе и Б., отчасти нравственные.

А., Первый вопросъ: какъ въ ученіи о предопредѣленіи примирить свободу человѣка съ непреодолимымъ дѣйствіемъ благодати? Вопросъ этотъ былъ поднятъ Адруметскими монахами, которые представили Августину, что, по его ученію, для нихъ не нужна обязанность самоуправленія, потому что ихъ и безъ того спасетъ благодать, если она предъизбрала ихъ, а если отвергла, то тѣмъ болѣе напрасны ихъ труды. Блаженный Августинъ чувствовалъ справедливость замѣчанія и сталъ часто въ проповѣдяхъ и трактатахъ повторять, что безусловная благодать не нарушаетъ свободы человѣка. Частнѣе: тѣ же иноки поставили вопросъ: за чѣмъ Богъ заповѣдуетъ намъ то или другое дѣло, когда Онъ самъ подаетъ его человѣку, и къ чему Онъ представляется подающимъ ту или другую добродѣтель, когда мы сами должны совершать ее? Августинъ, замѣтивъ, что вопросъ объ отношеніи благодати къ свободной волѣ человѣка выше нашего разумѣнія, отвѣчаетъ: „Богъ даруетъ намъ такое доброе дѣло, которое Онъ предварительно заповѣдуетъ, и тѣмъ, которымъ Онъ заповѣдуетъ, помогаетъ исполнить заповѣдь“. Далѣе, на основаніи словъ Апостола: Богъ дѣйствуетъ въ насъ еже хотѣти, и еще: я знаю, что Тотъ, Кто началъ въ васъ благое дѣло, совершитъ его до дне Господа Иисуса Христа, Августинъ учить: „Богъ безъ насъ производитъ въ насъ хотѣніе добра, но когда мы хотимъ и при томъ такъ, что исполняемъ на дѣлѣ хотѣніе добра, тогда Онъ дѣйствуетъ съ нами“ (*Die Schrift von der Gratia und dem freien Willen.* 582). Хотя въ томъ и другомъ случаѣ благодать дѣйствуетъ непреодолимо, особенно въ первомъ, когда она безъ насъ производитъ въ насъ хотѣніе добра, но всегда она дѣйствуетъ соотвѣтственно разумному нашему существу, или согласно съ законами человѣческой жизни. А потому ея вліяніе, совершаемое такъ легко, естественно и незамѣтно, никогда не отзывается въ чувствѣ насиліемъ; Божественная воля, по началу не ожидающая воли человѣка, а потомъ идущая съ нею рука объ руку, незамѣтно для

него самаго становится какъ бы личною его волею. Такъ, безусловная благодать не только не подавляетъ свободы человѣка, но на сколько человѣческая воля проникается волею Божественною, на столько ея дѣйствія исходятъ отъ Божественной воли, на столько она и свободна: иначе она была бы рабою грѣха, и ея произволеніе (*arbitrium*), какъ избирающее одно зло, было бы несвободно. Итакъ свобода воли спасена въ Августиновомъ ученіи о предопредѣленіи, и благодать остается непреодолимою (*Opus imperfect. 1, 94*).

Рѣшеніе труднаго этого вопроса подало ключъ къ уразумѣнію другаго вопроса, когорый формулированъ былъ такъ: „жертвуя свободою воли въ пользу бжгоудати, Августинъ, подь именемъ безусловной бжгоудати, не проповѣдуетъ ли слѣпой рокъ?“ Вопросъ этотъ поставили пелагианскіе епископы, причемъ высказали порицаніе, что Богъ, при раздачѣ бжгоудати, пристрастенъ. На упрекъ этотъ Августинъ отвѣчаетъ: „признающіе рокъ не только дѣла и событія, но и самую волю нашу хотять поставить въ исключительную зависимость отъ звѣздъ и свѣтилъ небесныхъ: но бжгоудать Божія выше не только звѣздъ, но и самихъ Ангеловъ; она распоряжается судьбами всего неба и земли“. Далѣе, фаталисты какъ доброе, такъ и злое — все производятъ изъ рока, случайностей: но Богъ, при предопредѣленіи однихъ къ гибели, а другихъ ко спасенію, дѣйствуетъ не случайно, но по вѣчному и высокому своему совѣту правосудія и бжгоудати. Наконецъ, показавъ, какъ необдуманна и дерзка укоризна въ пристрастіи, брошенная врагами на самого Бога правды, Августинъ указываетъ на предопредѣленную Богомъ судьбу Іакова и Исава: по его мнѣнію, предопредѣленіе старшему брату быть рабомъ младшаго, сдѣланное Богомъ еще прежде рожденія ихъ, прежде чѣмъ они могли дѣлать добро или зло, не было дѣломъ рока и произошло не вслѣдствіе предвѣдѣнія, не по заслугамъ ихъ въ будущемъ, но единственно по милосердію (любви) въ отношеніи къ Іакову и правосудію (ненависти), въ отношеніи къ Исаву (*Die vier Bücher gegen zwei Briefe der Pelagianer, 544 f.*).

Дальнѣйшіе вопросы, предложенные съ различныхъ сторонъ, были такого рода: если всѣ люди, по своей природѣ,

находятся въ одинаковомъ отношеніи къ Божественной правдѣ и милосердію, то почему же въ однихъ Богъ открываетъ свое милосердіе, а съ другихъ правду, и справедливо ли предопредѣленіе въ отношеніи къ сосудамъ гнѣва? На первый изъ двухъ этихъ вопросовъ Августинъ отказывается отвѣчать, смиренно сознавая, что онъ долженъ держаться на благоговѣйномъ признаніи какъ Божественной правды, такъ и неизслѣдимости путей Божіихъ. Въ отношеніи къ отдѣльнымъ лицамъ порознь, продолжаетъ онъ, предопредѣленіе Божіе рѣшительно непостижимо. Дѣти благочестивыхъ родителей, умирая безъ крещенія, не удостоиваются царства небснаго: дѣти нечестивыхъ родителей напротивъ достигаютъ его. Люди, долгое время стоявшіе на пути спасенія, у самаго входа въ рай, предъ смертію становятся вѣроломными отступниками: иные напротивъ, большую часть жизни проведеніе безпутно, обращаются къ Богу въ послѣдніе часы жизни и получаютъ блаженство. Апостоль умираетъ смертію предателя: а разбойникъ смертію праведника. Во всѣхъ этихъ частныхъ случаяхъ Августинъ съ трепетомъ видитъ лишь одно, что пути Божіи не изслѣдимы и что никакая плоть не смѣетъ хвалиться, предъ Богомъ. Въ отношеніи ко всему человѣчеству предопредѣленіе Божіе кажется ему нѣсколько понятнѣе, именно на столько, на сколько милосердіе Божіе соединяется съ правдою и благость уравнивается правдою въ откровеніи своемъ въ цѣлой массѣ людей (Die Gnadenwahl 629 и 630). Что касается до втораго вопроса, справедливо ли предопредѣленіе въ отношеніи къ сосудамъ гнѣва, то Августинъ даетъ на него отвѣтъ безъ малѣйшаго колебанія. „Пусть въ наказаніе за грѣхъ они переходятъ отъ грѣха ко грѣху, доходя наконецъ до ослѣпленія и ожесточенія, пусть Всемогуцій противится всѣмъ ихъ предпріятіямъ, пусть поражаетъ ихъ внутренними наказаніями и внѣшними ударами судьбы, (какъ наказалъ Онъ Іуду, распинателей и діавола), чтобъ укрѣпить вѣру и благочестіе добрыхъ, но Онъ всегда поступаетъ съ нимъ по праведному суду, частію явному, частію скрытому. По правосудію Божію, мы всѣ должны подвергнуться вѣчному наказанію: могутъ ли тѣ, которые вмѣсто благодати получили право (наказаніе), жаловаться на непомилованіе?

И кто может заслужить, требовать благодати помилованія? Благодать не была бы и благодатью, еслибъ она была заслуженна. (*Die Schrift von der Gnade und dem freien Willen*, f. 586). Во всей ясности правосудіе это откроется предъ нами на всемірномъ позорищѣ, на страшномъ судѣ: тамъ не спросишь о заслугахъ, а будешь находить лишь достойное наказанія. Ты требуешь доказательствъ, а я трепещу предъ бездною тайны, ты ищешь оснований, а я желаю вѣрить,— предо мною стоитъ предопредѣленіе глубокое, безпредѣльное, какъ океанъ“ (*Die praedestinatin*, f. 422).

Какъ бы продолжая развивать предъидущій вопросъ, полупелагианская партія задалась слѣдующими частными вопросами: справедливо ли поступаетъ предопредѣленіе, когда беретъ многихъ изъ этой жизни не тогда, когда они находятся въ состояніи благодати и спасенія, а когда, по помощи человѣческой, отпадаютъ отъ нея, или когда оно осуждаетъ на гибель: множество поколѣній и народовъ, которые никогда такой вѣсти не слышали о спасеніи, и множество малолѣтнихъ дѣтей, которые не удостоились получить крещенія и слѣдовательно обѣтованія сыновъ благодати? Вопросы эти пытались разрѣшить и сами изобрѣтатели ихъ: „Богъ де не даровалъ многимъ благодати во всей полнотѣ и даже вовсе не нашелъ ихъ своею благодатию избранія потому, что хорошо предвидѣлъ, что они или противились бы благодати, или бы вовсе отвергли ее; а потому нѣкогда Онъ будетъ судить ихъ не за то только, что они сдѣлали, но и за то, что они сдѣлали бы, еслибъ прожили больше“. Августинъ, соглашаясь съ тѣмъ, что Богъ призываетъ человѣка къ Себѣ изъ этой жизни въ самую лучшую для него минуту, хотя часто мы и не можемъ понять, въ чемъ состоитъ это лучшее,—замѣчаетъ, однакожъ, словами Апостола, что каждый будетъ судимъ въ будущей жизни за то только, что онъ съ тѣломъ содѣлалъ, а не и за то, что онъ содѣлалъ бы, въ случаѣ удлиненія жизни, (послѣднихъ словъ нѣтъ у Апостола), а за тѣмъ учитъ, что хотя много званыхъ, но мало избранныхъ, однакожъ и не такъ мало, какъ кажется съ перваго раза; такъ называемый партикуляризмъ Божественнаго избранія онъ желаетъ понимать, какъ можно,

обширяѣе. Обыкновенное положеніе, что участіе въ Божественномъ избраніи даруется какъ за вѣру въ прошедшаго, такъ и Обѣтованнаго Мессію, онъ расширяетъ до того смѣлаго предположенія, что и между язычниками въ сферѣ обѣтованія существовало царство Божіе и много было избравниковъ предвѣчнаго Его предопредѣленія. Если, по свидѣтельству исторіи, во времена еще Авраама, въ средѣ другихъ народовъ были почитатели Единого Истиннаго Бога, высоко прославляемые за свою праведность (напр. Іовъ Австидійскій), то почему же и между другими народами въ эти и другія времена не могли быть чтители Истиннаго Бога? Христосъ во всякое время между всѣми историческими народами былъ проповѣдуемъ то явно, то прикровенно, какъ хотѣлъ того Богъ сообразно съ духомъ времени. Къ тому же спасительной силы у ветхозавѣтной религіи, чрезъ которую благодать призывала людей всѣхъ временъ и народовъ, не доставало развѣ для тѣхъ, кто былъ недостойнъ ея. Наконецъ тѣмъ, которымъ не могло быть возвѣщено благовѣстіе спасенія въ этой жизни, оно будетъ проповѣдуемо въ будущей жизни. Мы удивляемся силѣ ума и слова многихъ языческихъ риторовъ, поэтовъ, философовъ, еще болѣе — тѣмъ свѣтлымъ высоконравственнымъ идеямъ, которыя просвѣчиваются у нихъ сквозь роскошныя покровы мѣровъ, образовъ, а иногда развиваются въ стройныя системы возвышенной морали. Мы высоко чтимъ образъ жизни многихъ славныхъ мужей древности, ученыхъ политиковъ и частныхъ людей. Несмотря на религіозныя заблужденія, на служеніе больше тварямъ, чѣмъ Творцу, ихъ жизнь представляетъ образцы многихъ добродѣтелей: воздержанія, умѣренности, самонаблюденія, цѣломудрія, справедливости, вѣрности слову, самоотверженной любви семейной и патріотической, которыя бы составили честь и украшеніе и нашимъ нравамъ. Ужели эти праведники язычества, вмѣстѣ съ праведниками народа Божія, не освобождены Спасителемъ изъ ада, когда Онъ нисходилъ туда съ проповѣдью спасенія, и не восхищены Имъ въ число избранныхъ, предопредѣленныхъ? Можно съ увѣренностію сказать, что подобно имъ, и всѣ, которые умираютъ и будутъ умирать, не имѣя физической возможности слышать здѣсь

Евангеліе царствія Божія,—будуть ли они дѣти, взрослые, цѣлые поколѣнія и народы,—услышать его въ другой жизни отъ Того же Христа Спасителя, Который благовѣстилъ его нѣкогда во адѣ, и, если имъ суждено быть въ числѣ избранныхъ, предопредѣленныхъ, получать отпущеніе грѣховъ и благодать спасенія. Если такимъ образомъ предопредѣляющая благодать многихъ, оставленныхъ ею въ здѣшней жизни, найдетъ тамъ, за гробомъ, то можно ли такъ съуживать сферу предопредѣленныхъ и набрасывать тѣнь на правосудіе Божіе, какъ это дѣлаютъ непризнающіе предопредѣленія? Пусть отверженныхъ больше, чѣмъ предопредѣленныхъ, но безпредѣльное благодареніе и славословіе Господу, что изъ всѣхъ достойныхъ осужденія Онъ избираетъ хоть нѣкоторыхъ для славы блаженства, здѣсь ли, тамъ, это все равно! Такъ заключаетъ свое разсужденіе Августинъ, прибавляя къ нему мнѣніе о томъ, какимъ образомъ вѣра въ возможность призванія въ будущей жизни можетъ быть принята безъ ущерба дѣятельному стремленію къ распространенію Евангелія на землѣ между невѣрующими (*Die Gnalewahl 624—631 f.*).

Б) Вотъ важнѣйшіе догматическіе пункты, дополнившіе собою систему Августина о предопредѣленіи. Изъ нравственныхъ достаточно указать на одинъ—два. Адруметскіе монахи выставили на видъ Августину сдѣланный ими практическій выводъ изъ его ученія, что грѣшниковъ нельзя упрекать за то, что они грѣшники, потому что они не могутъ не быть грѣшниками, если не принадлежать къ избраннымъ, что ихъ не нужно ни увѣщевать, ни наказывать, а много что молиться за нихъ, что ученіе о безусловномъ предопредѣленіи подастъ отверженнымъ пищу къ отчаянію, а избраннымъ внушаетъ гордую самопадѣянность, располагающую ко грѣху. Опроверженіе этихъ, равно какъ и многихъ другихъ возраженій, не довольно сильно: потому что со всею логическою послѣдовательностію они вытекали изъ его ученія; чтобъ отвергнуть ихъ, нужно было отвергнуть самое основаніе, на которомъ они держались,—отказаться отъ многихъ крайнихъ тенденцій. Въ отпоръ сейчасъ приведеннымъ возраженіямъ Августинъ могъ отвѣтить лишь слѣдующее: не то ли самое можно сказать и о Божественномъ предвѣдѣніи? И—указалъ примѣры, какъ одинъ без-

путный монахъ твердилъ о себѣ: „каковъ бы я ни былъ теперь, но со временемъ, не смотря ни на что, судьба приведетъ мнѣ быть тѣмъ, что предвидѣлъ обо мнѣ Богъ“, или: какъ многіе въ той увѣренности, что Богъ, прежде всякаго прошенія, знаетъ наши нужды, не молятся или молятся Богу безъ усердія! Слѣдуетъ ли ради такихъ людей умалчивать объ истинѣ и не располагать ихъ къ доброму дѣлу? Конечно наши увѣщанія, наказанія, равно какъ молитвы, будутъ напрасны, если благодать Божія не предупредитъ наставляемыхъ, но кто можетъ отрицать, что тотъ, повидимому, погибшій, котораго мы увѣщаемъ, предопредѣленъ ко спасенію, и что мы назначены быть орудіями его обращенія? Напротивъ, въ духѣ любви мы всегда должны предполагать это и дѣлать все, что въ нашихъ силахъ, предоставляя остальное Богу. Увѣровавшимъ во Христа мы съ благоразумною кротостію должны внушать увѣренность, что всѣ они предопредѣлены быть избраннымъ его народомъ, но такъ какъ никто не можетъ быть увѣренъ въ вѣчной жизни прежде скончанія земной, которая полна искушеній, то всѣ должны просить у Бога дара постоянства, или совершенства, и такимъ образомъ съ радостію и трепетомъ содѣлать свое спасеніе. Между тѣмъ кто не вѣритъ въ предопредѣленіе, кто думаетъ въ себѣ самомъ и изъ себя самого имѣть даръ постоянства, тотъ въ высокоуміи не хочетъ молиться и вѣрить себя Богу. Но почему бы каждому, хотя бы и отчаянному грѣшнику, не довѣриться болѣе непреложности обѣтованія Божія, чѣмъ своей собственной немощи? Ты говоришь: „воля Божія обо мнѣ мнѣ не извѣстна“, но развѣ твоя собственная воля о тебѣ извѣстна тебѣ? Развѣ ты можешь напередъ предсказать свою судьбу? Но такъ какъ то и другое не извѣстно тебѣ, то почему же ты своей вѣры, любви и надежды не довѣряешь Тому, Кто несравненно сильнѣе, вѣриѣе и могущественнѣе тебя? Наконецъ, въ ободреніе и утѣшеніе непризванныхъ остается сказать, что мы должны молиться и молиться о нихъ, чтобы и они содѣлались участниками благодати, ибо Богъ, Который исполняетъ все, что Онъ предвидѣлъ, хочетъ, чтобы мы молились и за враговъ, чтобы они были помилованы по нашимъ молитвамъ,

и—чтобъ мы и они совершенно убѣдились въ томъ, что Онъ и невѣрующимъ сообщаетъ вѣру и нехотящихъ спасенія дѣлаетъ хотящими“ (Die Gnadewahl f. 621—629; die Schrift von der Praedestination der Heiligen f. 608).

Вотъ наиболѣе важныя части Августинова ученія о предопредѣленіи. Вотъ главнѣйшія пути его развитія такого же органическаго, жизненнаго, проходящаго чрезъ долгодѣтельную полемическую дѣятельность, какъ живо и жизненно начало зарожденія его въ собственной личности и жизни писателя.

Чѣмъ же важна и поучительна эта живая связь ученія съ жизнію и дѣятельностію автора?

Извѣстно, что блаженный Августинъ, одаренный отъ природы рѣдкими талантами ума и сердца, и при помощи сочиненій Аристотеля развившій въ себѣ глубокой систематическій разумокъ, а на твореніяхъ Платона воспитавшій въ себѣ нѣжное и возвышенное чувство, въ своемъ безсмертномъ ученіи о предопредѣленіи, (понимаемомъ въ самомъ обширномъ смыслѣ, какъ совокупность тѣхъ многочисленныхъ сочиненій, изъ которыхъ мы извлекли существенныя части ученія, не исключая отчасти и 12 книгъ Исповѣди), глубоко отпечатлѣлъ оба эти, рѣдко совмѣщаемыя въ одномъ человѣкѣ, качества, т. е. глубокой схоластическій разумокъ и живое пламенное и нѣжное чувство. Во всей системѣ, особенно въ раскрытіи частныхъ соприкосновенныхъ къ ней вопросовъ мы видѣли, какъ трудно слѣдить за всѣми утонченными сочетаніями мыслей, за хитрыми построеніями мыслей тонкаго разсудка; противъ правильности его заключеній никогда ничего нельзя сказать, если только вѣрны самыя начала ихъ. Такъ строги его выводы, такова сила философскаго его разсудка! Что касается до чувства, то въ исповѣди, послужившей главною основою для его ученія о предопредѣленіи, и въ самомъ ученіи мы видѣли, въ какихъ восторгахъ любви, въ пламенныхъ чувствахъ благодарности, смиренія и благоговѣнія изливается онъ предъ Богомъ: въ каждомъ словѣ его дышетъ искреннее, глубокое благочестіе, вездѣ говоритъ онъ языкомъ сердца. Но рядомъ съ высокими этими достоинствами нельзя было не подмѣтить и нѣкоторыхъ недостатковъ: напрасно стали бы мы искать въ немъ богословской основательной

учености и оригинальности, — вмѣсто ихъ найдемъ философскую оригинальность и остроуміе; напрасно стали бы искать возвышенныхъ глубокихъ идей, — онѣ замѣняются логическою строгостію; не говоримъ уже объ извѣстныхъ намъ крайностяхъ и преувеличеніяхъ, отвергнутыхъ православнымъ церковнымъ ученіемъ. И — всѣ эти достоинства и недостатки объясняются живою органическою связью ученія съ жизнію и дѣятельностію писателя. Уже то обстоятельство, что это ученіе, какъ и большинство капитальныхъ его сочиненій, имѣло цѣлію удовлетвореніе научныхъ потребностей своего времени и въ своемъ развитіи подчинялось философствующему складу и направленію ума, и зависѣло отъ другихъ личныхъ особенностей его ума и характера, — и это обстоятельство обуславливало собою его достоинства и недостатки, долженствовавшіе быть для другихъ важнымъ и поучительнымъ урокомъ. Что же это за потребности науки, на служеніе которымъ была призвана его дѣятельность, и что эти за особенности его ума и характера? — Одержавъ побѣду надъ язычествомъ, христіанство должно было противопоставить ему не только новый культъ, но и новое ученіе, должно было явить міру, что оно не только можетъ обойтись безъ языческой философіи, но и создать свою самостоятельную философію. Выполненіе великой этой задачи взялъ на себя Августинъ. Онъ былъ замѣчательное явленіе въ исторіи философіи. Онъ составлялъ собою переходъ отъ древней философіи къ новой; по... не столько философское образованіе, сколько собственная жизнь и глубокое самонаблюденіе сдѣлали его философомъ. Между прочимъ онъ извѣстенъ, какъ глубокомысленный психологъ, но онъ психологъ не по выучкѣ, а по самонаблюденію и опыту: вся его жизнь, какъ выразился нѣкто, есть живая психологія. Какъ самостоятельный философъ, привыкшій критически относиться къ лучшимъ философскимъ системамъ: скептиковъ, неоплатониковъ и проч., любившій все провѣрять личными своими соображеніями, собственнымъ опытомъ и жизнію, онъ также свободно относился и къ христіанской догматикѣ: онъ готовъ былъ превратить ее въ философскую систему и, если не предписать ей принципы, то подвергнуть ихъ (готовые прин-

ципы) строгому своему анализу, свѣряя ихъ съ собственною многоопытною жизнію. Въ его умѣ каждый догматъ укладывался, какъ философская система, религиозное убѣжденіе воплощалось въ діалектическое построеніе, самое таинственное вѣрованіе облекалось въ прекрасную форму лирическаго воодушевленія и метафизическаго мистицизма, гармоническое состояніе которыхъ возможно лишь въ немъ одномъ. Свойственною ему одному страстностію и пламенностію онъ любилъ вносить эту философскую стройность въ установившіеся уже догматы. Тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ придать такой характеръ новому, никѣмъ почти не тронутому догмату о предопредѣленіи. И дѣйствительно, его ученіе о безусловномъ предопредѣленіи, подавляющемъ и, такъ сказать, ступшевывающимъ личность челоука, вполне вѣрны выработанной имъ, на основаніи личнаго опыта, метафизической теоріи, состоящей въ томъ, что онъ смотрѣлъ на все сущее, какъ на единое метафизическое цѣлое, въ которомъ личность подчинена, порабощена цѣлому, частное явленіе—общему закону. Какъ философское произведеніе, данное ученіе было для своего времени идеаль совершенства: не даромъ же въ исторіяхъ философіи ему отводится такое почетное мѣсто. Такъ оно было понято и лучшимъ образованнымъ обществомъ того времени. Такъ какъ оно, вмѣстѣ съ основною своею метафизическою теоріею, отвѣчало жизненнымъ научнымъ потребностямъ и внушало людямъ науки радостную надежду на созданіе самостоятельной христіанской философіи, для которой оно заложило прочное основаніе, и такъ какъ отъ него самого, при всей его таинственности, вѣяло жизнію, изъ которой оно главнымъ образомъ взято: то большинствомъ современниковъ, особенно на западѣ, оно было принято съ восторгомъ: тѣмъ болѣе что по научнымъ своимъ достоинствамъ оно вполне было достойно столь прославленнаго уже имени Августина. Но, по общей судьбѣ всѣхъ философскихъ теорій, оно вызвало противъ себя бури сомнѣній и споровъ, и впало въ неизбѣжныя ошибки и преувеличенія. Конечно, къ этимъ недостаткамъ никто не станеть относиться строго: тѣмъ болѣе, что это былъ новый опытъ, первая робкія попытки къ созданію самостоятельной фило-

софіи, и они искупаются высокими побужденіями и цѣлями сочиненія. Они представляли и представляютъ мудрый урокъ для будущаго времени: они показали, что и для самыхъ сильныхъ талантовъ философія и жизнь представляютъ слишкомъ скользкую почву, для построенія на нихъ богословской науки, что послѣдняя можетъ и должна пользоваться ими, какъ пособіями, но не какъ руководителями, что у нея есть особый критерій и Источникъ истины, что христіанской догматикѣ, вообще говоря, слишкомъ не безопасно полагаться вполне на философію, хотя бы самую благонамѣренную, жизненную и богато практическую. Вотъ важное и многопоучительное значеніе ученія о предопредѣленіи, обусловливаемое тѣсною связью его какъ съ собственною жизнію писателя, личными особенностями его ума и характера, такъ и съ требованіями современной ему научной дѣятельности.

Данное ученіе, какъ неоднократно замѣчено было нами, имѣетъ глубокую жизненную основу въ личной жизни писателя, оно есть плодъ его искренняго глубочайшаго благочестія, оно, такъ сказать, исповѣдь исповѣди его, — этого живаго памятника его благочестія, оно — хвалебная пѣснь Божеству за чудесное его призваніе. Всѣ эти качества, достойныя истиннаго примѣрнаго христіанина, составляютъ наилучшія стороны ученія, истинное его украшеніе, въ нихъ то заключается тайна обаянія, произведеннаго имъ на современныя и отдаленныя поколѣнія. Но это — все ораторскія его достоинства, въ догматическомъ же и логическомъ отношеніяхъ это — слабѣе и слабыя его стороны, потому что отъ увлеченія чувствомъ далѣе надлежащаго произошли его ошибки и преувеличенія. Здѣсь то скрывается новый многознаменательный урокъ, во первыхъ тотъ, что догматическое ученіе не должно быть результатомъ чувства, хотя бы самаго благочестиваго и пламеннаго, не должно быть также выводомъ изъ какихъ либо нравственныхъ знаменательныхъ событій жизни, но, однакожь, въ своемъ раскрытіи можетъ и должно проникаться чувствомъ, быть его источникомъ и вдохновителемъ и основой для нравственныхъ выводовъ: подъ этимъ только условіемъ оно можетъ быть достойнымъ подражаніемъ наилучшимъ качествамъ въ ученія знаменитаго нашего писа-

теля, произвести подобное ему впечатлѣніе на благочестивыя сердца и избѣжать невольныхъ его крайностей. Особенно католическимъ и протестанскимъ почитателямъ его не излишне бы воспользоваться полезнымъ этимъ урокомъ, чтобъ сухой мертвящій догматизмъ согрѣть живымъ благочестивымъ чувствомъ. Они могутъ прочесть себѣ и другой важный урокъ и предостереженіе въ его глубоко прочувствованномъ и жизненномъ ученіи. Если такая высокоталантливая и нравственная личность, изъ подъ пера которой выходили творенія съ несомнѣнными признаками помазанія, или вдохновенія свыше, впадала въ ошибки и заблужденія именно потому, что слишкомъ полагалась на свое личное чувство и субъективизмъ, и, ощущая въ немъ иногда влїаніе Духа Божія, думала найти въ немъ твердое ручательство истины въ раскрытіи самыхъ таинственныхъ догматовъ: то могутъ ли быть застрахованы отъ заблужденій тѣ простые смертные и неприванные учителя, которые въ своемъ субъективномъ чувствѣ, открытомъ будто бы всегда влїанію на него Духа Божія, мнятъ найти надежный критерій и руководящее начало истины, будто бы уполномочивающіе ихъ быть судьями и законодателями всякаго истиннаго ученія въ церкви, помимо вселенскаго голоса церкви? Тѣмъ, которые любятъ прикрываться его прославленнымъ именемъ и руководиться его началами, не слѣдуетъ ли воспользоваться и вразумиться печальными опытами его жизни и ученія? Говорить ли наконецъ объ извѣстномъ весьма важномъ результатѣ, естественно вытекающемъ изъ того обстоятельства, что двадцатилѣтняя борьба Августина съ ересью, веденная имъ самымъ достойнымъ и благонамѣреннымъ образомъ, но одними собственными, положимъ, и весьма крѣпкими силами, безъ помощи и опоры во всеобщемъ разумѣ церкви, не привела къ желаемой цѣли,—т. е. хотя и низложила враговъ, но и самого побѣдителя увлекла, обезсилила? Значитъ частныя одиночныя силы, какъ бы онѣ ни были крѣпки, благонамѣренны и дѣятельны, какую бы энергическую и достойную борьбу не вели онѣ со врагами истины, слишкомъ недостаточны для прочнаго обоснованія и развитія догматическихъ истинъ. Значитъ ереси способствуютъ всестороннему раскрытію истины лишь тогда, когда она имѣетъ

твердую точку опоры во всеобщемъ церковномъ сознаніи и прежде всего въ Божественномъ откровеніи. Этотъ безпристрастный и вразумляющій выводъ съ особенною пользою могли бы приложить къ себѣ тѣ средневѣковые и новѣйшіе (изъ рационалистовъ) мыслители, которые считаютъ возможнымъ каждый таинственнѣйшій догматъ доказать изъ разума, которые во всякихъ нападкахъ изъ всевозможныхъ враждебныхъ лагерей склонны видѣть лишь счастливый случай разностороннѣе раскрыть ослариваемую истину, но которые на самомъ дѣлѣ реакціи противопоставляютъ реакцію, крайности возраженія крайность опроверженія.

Архимандритъ Серій.
